К 3К26
Л-45
2

ЛЕНИН

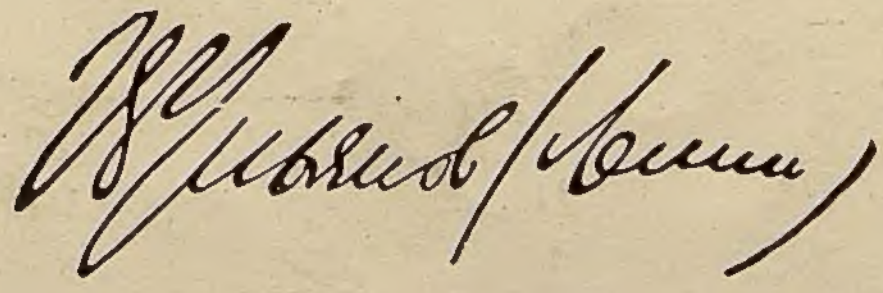
В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ
1946

03 ИЮН 2013

02 ОКТ 2019

-2 НОЯ 2010



ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

К 7
К 3к26 / Л-45

ЛЕНИН В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ

1897—1900 гг.

☆

ПОГАШЕНО
37828
КРАЕВОЙ ДОМ
Партийного Просвещения
ПОГАШЕНО
ВХОД №

ОГИЗ
Государственное издательство политической литературы
1946

Государственная
универсальная
научная библиотека
Красноярского края
№ 11-273512 н

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В настоящей брошюре собран материал, характеризующий жизнь, деятельность и многогранную теоретическую работу Владимира Ильича Ленина в сибирской ссылке (1897—1900 гг.). В эти годы Ленин выполнил колоссальную работу по подготовке и организации боевой марксистской партии нового типа — партии большевиков.

В книге использованы материалы Шушенского музея Ленина.

Подготовил книгу к печати *М. А. Москалёв.*

I

Последнее десятилетие XIX века характеризовалось крупными сдвигами в экономической и общественной жизни России. Капиталистическая промышленность переживала подъём. Рос промышленный пролетариат. Развивавшееся рабочее движение превратилось в серьёзную политическую силу. 1895—1896 годы ознаменовались взрывом стачечного движения, в котором участвовали многие десятки тысяч рабочих. Со всей очевидностью обнаруживалось и подтверждалось марксистское положение, что сила рабочего класса в историческом движении неизмеримо больше, чем его доля в общей массе населения. В революционном движении пролетариат России выступил как руководящая сила. Самой исторической обстановкой выдвигалась необходимость объединения разрозненных марксистских кружков в единую революционную марксистскую партию рабочего класса, способную придать стихийному рабочему движению сознательный и организованный характер. Рабочему классу нужна была партия, могущая возглавить его революционное движение.

И вот в этот период, 31 августа 1893 г., незадолго до подъёма стачечного движения, в Петербург приехал Ленин, где с первых шагов своей деятельности приступил к решению исторической задачи по созданию революционной марксистской партии. Первые же выступления Ленина в Петербурге, отличавшиеся глубоким знанием марксизма, умением применить марксистский диалектический метод к анализу экономической и политической обстановки тогдашней России, произвели неотразимое впечатление на участников марксистских кружков.

Вокруг Ленина сплачиваются наиболее деятельные участники революционного движения, и он становится признанным руководителем петербургских марксистов.

Вскоре после приезда в Петербург Ленин ознакомился с рефератом одного из петербургских марксистов, Германа Красина, по вопросу о рынках, написанным последним в связи с выходом из печати книги Николая — она «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». Реферат Г. Красина не удовлетворил Ленина своей абстрактностью и явной защитой капитализма. Ленин написал реферат «По поводу так называемого вопроса о рынках», в котором высказал свои возражения Г. Красину. «Вопрос о рынках в его трактовке приезжим марксистом,— вспоминала позднее Н. К. Крупская,— ставился архи-конкретно, связывался с интересами масс, чувствовался во всём подходе именно живой марксизм, берущий явления в их конкретной обстановке и в их развитии»[1].

О влиянии Ленина на петербургских марксистов впоследствии вспоминал и Г. М. Кржижановский:

«Уже первые рефераты Ленина при его появлении в Петербурге в 1893 г. производили на нас неотразимое впечатление. Никто из нас не умел с таким совершенством применять глубокое знакомство с Марксом к волновавшим нас всех тогда вопросам российской экономики. Никто из нас не был знаком в такой степени с первоисточниками изучения этой экономики, с богатейшим материалом нашей земской статистики. Никто из нас не мог соперничать с ним по широте и глубине классового анализа действующих сил» [2].

Не меньше, чем теоретической подготовленностью, Ленин поражал всех, кто с ним сталкивался, своей практической зрелостью, трезвостью мысли, сочетаемой с неиссякаемым революционным пылом и непримиримостью в борьбе с противниками марксизма.

В Петербурге Ленин всё время находился под усиленным наблюдением шпиков, выслеживавших каждый его шаг. Но как ни была густа паутина жандармского сыска, Ленину удавалось рвать её, ускользать от агентов охранки. Он устраивал встречи с петербургскими мар-

[1] *Н. Крупская,* Воспоминания о Ленине, стр. 12.
[2] «Правда» от 25 июня 1934 г.

ксистами, посещал рабочие казармы, беседовал с рабочими, проводил в жизнь намеченные планы.

Путь марксизма к рабочему движению России лежал через борьбу и идейный разгром народников, которые пресмыкались перед правительством и нагло называли себя «друзьями народа». Ленин решительно разоблачал истинное лицо народников.

В Петербурге Ленин подготовил своё знаменитое произведение, направленное против народников, — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», вышедшее в 1894 г. С позиций революционного марксизма Ленин разоблачил и идейно разгромил мелкобуржуазные взгляды народников.

Давая классовую оценку народников как выразителей интересов мелких собственников, а народников 90-х годов как выразителей интересов кулачества, Ленин в своей книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», применяя метод Маркса к изучению российской действительности, доказал, что капитализм в России не наносное явление, а результат всего хода экономического развития, что мелкое и крупное производство — это различные ступени единого буржуазного хозяйства, что в недрах новой, капиталистической России, хотя и под полукрепостническим колпаком, появились новые классовые противоречия, что вырастает рабочий класс — передовой представитель всех трудящихся России.

В борьбе с народниками Ленин наметил основные задачи русских марксистов: создание из разрозненных кружков единой социалистической рабочей партии, воспитание рабочего класса как вождя народной революции. Уже в этой своей работе Ленин указывал, что именно рабочий класс России в союзе с крестьянством свалит царское самодержавие и затем в союзе с эксплоатируемыми и трудящимися массами, рядом с пролетариатом других стран, прямой дорогой открытой политической борьбы пойдёт к победоносной коммунистической революции. В своей книге Ленин не ограничился только критикой народничества: он наметил в ней путь борьбы рождавшейся марксистской революционной партии. Это был манифест революционных марксистов России.

С весны 1894 г. Ленин непосредственно руководит четырьмя марксистскими кружками, готовит из передовых

рабочих Петербурга организаторов и руководителей марксистской партии. В своей пропагандистской работе Ленин тесно соединяет теорию с практикой; не только учит передовых рабочих марксизму, но и учится у них. Он узнаёт, в каких условиях живут и работают рабочие на фабриках и заводах, какие вопросы волнуют их. На примерах, взятых из жизни рабочих, Ленин указывает, как следует применять учение Маркса в жизни, как повседневно бороться с капиталистами, царским самодержавием и как надо отстаивать интересы рабочего класса.

Ленин добивается перехода петербургских марксистов от кружковой пропаганды к злободневной политической агитации среди широких масс рабочего класса, к руководству массовым стачечным рабочим движением.

Вместе со своими учениками-рабочими Ленин широко использовал печатную агитацию. Он писал листовки, обращённые к рабочим фабрик и заводов Петербурга. В листовках и обращениях простым и понятным языком разъяснялось, как и почему капиталисты эксплоатируют рабочих и какую прибыль получают от этого капиталисты. Листовки подсказывали рабочим, как бороться, чтобы завоевать право на лучшие условия жизни и работы, помогали им оформлять свои требования к хозяевам, учили рабочих бороться не только против хозяев, но и против царского самодержавия. Ленин воспитывал рабочих политически.

В сводке министра юстиции Муравьёва имеются указания на 58 прокламаций, напечатанных и распространённых петербургскими марксистами в 1894—1895 гг. Известны также ещё 17 листовок, не вошедших в этот список.

В начале 1895 г. Ленин поставил перед кружком петербургских марксистов вопрос о необходимости закрепить переход к политической агитации на почве защиты непосредственных нужд рабочих.

Этот исторический поворот среди марксистов к массовой агитации имел крупнейшее значение для развития рабочего движения в России. Под руководством революционных марксистов и в значительной мере под влиянием развёрнутой ими политической агитации в 1895 и особенно в 1896 г. в Петербурге вспыхивает бурное стачечное движение, открывшее «эру неуклонно поднимающегося затем рабочего движения».

Но среди представителей марксистских кружков были люди, которые пытались свести массовую агитацию и всё руководство рабочим движением только к борьбе за повседневные экономические нужды рабочих, считая политическую борьбу делом либеральной буржуазии. Это было первое проявление оппортунизма в рядах русской социал-демократии, получившее название «экономизма».

Ленин решительно выступил с разоблачением оппортунистической сущности подобного рода воззрений на роль рабочего класса в революционном движении. На происходившем в Петербурге в начале 1895 г. совещании представителей марксистских кружков ряда крупных промышленных городов России, обсуждавшем вопрос о переходе к агитации, Ленин дал сокрушительную отповедь тем, кто стремился ограничить массовую агитацию и рабочее движение рамками только экономической борьбы и превратить, таким образом, рабочий класс из ведущей силы революции в придаток либеральной буржуазии.

В апреле 1895 г. Ленин по поручению петербургских социал-демократов выехал за границу для установления связи с группой «Освобождение труда» и налаживания издания популярных сборников для рабочих. С Плехановым и другими представителями группы «Освобождение труда» Ленин обсудил многие принципиальные и организационные вопросы, по которым была достигнута договорённость о совместной работе, но при этом и вскрылись разногласия. Ленин разошёлся с Плехановым по вопросам об отношении к «легальным марксистам», к русской либеральной буржуазии.

За границей Ленин много работал в библиотеках, изучая те произведения Маркса и Энгельса, которых не было в России, посещал собрания рабочих и устанавливал связи с лидерами европейской социал-демократии. 7 сентября 1895 г. Ленин вернулся в Россию.

Осенью 1895 г. под руководством Ленина были объединены разрозненные марксистские кружки Петербурга в единую организацию «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который положил начало соединению научного социализма с рабочим движением. Эта организация петербургских марксистов представляла собой зачаток революционной партии пролетариата, «которая опирается на рабочее движение, руководит классовой

борьбой пролетариата, борьбой против капитала и против абсолютного правительства...»[1]

В состав петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» входили В. И. Ленин, Н. К. Крупская, В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, А. А. Ванеев, И. В. Бабушкин, А. Л. Малченко, П. К. Запорожец, М. А. Сильвин и другие.

Ленин сплачивает вокруг «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» передовых рабочих фабрик и заводов, издаёт десятки новых нелегальных листовок, которые организуют рабочих на стачечную борьбу. Ленин подготовил издание популярной марксистской газеты под названием «Рабочее дело». В материалах первого номера газеты широко ставились задачи революционно-политического воспитания рабочего класса. В вступительной статье «К русским рабочим», написанной Лениным, говорилось об исторических задачах рабочего класса по завоеванию политической свободы, развивалась мысль о необходимости сочетать экономическую борьбу с политической.

Авторитет и влияние петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» непрерывно росли среди широких масс рабочих.

Но Ленин ставил перед «Союзом борьбы» задачи более широкие, чем деятельность только среди рабочих в Петербурге. Организацией «Союза борьбы» Ленин подготовил создание общерусской революционной марксистской партии. Деятельность петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» послужила мощным толчком для объединения марксистских кружков в других районах страны в подобные же союзы.

В непримиримой борьбе против противников марксизма и первых оппортунистов внутри самой социал-демократии, в борьбе за объединение разрозненных кружков в единую боевую марксистскую организацию, в руководстве первыми боями рабочего класса против хозяев-капиталистов Ленин воспитал, закалил и тесно сплотил группу своих верных соратников, единомышленников по строительству марксистской партии российского пролетариата.

[1] *Ленин,* Соч., т. II, стр. 182.

II

Департамент полиции вёл неослабную слежку за деятельностью Ленина. Велись агентурные разработки по каждому его выступлению, по каждой поездке.

Жандармы знали о политических целях его поездки за границу и, сообщая об этом своей заграничной агентуре, просили «учредить за деятельностью и заграничными сношениями Владимира Ульянова наблюдение и о последующем уведомить». Когда Ленин возвращался из-за границы, Вержболовское пограничное отделение жандармского управления в тот же день уведомило об этом департамент полиции, донося, что «по самому тщательному досмотру его багажа ничего предосудительного не обнаружено».

Ленин перехитрил жандармов. Из-за границы он вёз чемодан с двойным дном, наполненным нелегальной литературой.

К декабрю 1895 г. в распоряжение департамента полиции сыщики и провокаторы представили такое обилие материалов, освещающих революционную деятельность Ленина и его соратников, что директор департамента полиции дал указание начальнику Петербургского губернского жандармского управления немедленно ликвидировать петербургскую социал-демократическую группу и произвести одновременные обыски у «помощника присяжного поверенного Владимира Ильина Ульянова, инженера-технолога Глеба Максимилианова Кржижановского, инженера-технолога Василия Васильева Старкова, студента Технологического института Анатолия

Александрова Ванеева... чиновника комиссии погашения государственных долгов Пантелеймона Николаева Лепешинского»[1] и ряда других.

В ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. в различных районах Петербурга были произведены обыски у 46 человек, из которых 29, в том числе В. И. Ленин, А. А. Ванеев, В. В. Старков, П. Н. Лепешинский и другие, были арестованы.

Как сообщал директору департамента полиции помощник петербургского градоначальника, у П. Н. Лепешинского найден «прибор для тиснения с двумя валиками, жестянка с типографской краской, жестянка с желатином...»[2] В числе нелегальных печатных произведений было захвачено и воззвание к рабочим фабрики Торнтона, написанное Лениным. В этом же донесении было сказано, что на квартире А. А. Ванеева были обнаружены «печатные, гектографированные и рукописные преступные издания, главным образом, относящиеся к рабочей пропаганде, каковы, например, воззвания: «К рабочим фабрики Кенига» (4 экз.), «К рабочим Путиловского завода», «К русским рабочим», и статьи, относящиеся к стачкам: в мастерской механической обуви, в Иваново-Вознесенске, Ярославской стачке, стачке на фабрике Торнтона и Лаферма, о стачках в Петербурге, Вильне, Минске; рукопись под заглавием «О чём думают наши министры»»[3], написанная Лениным. У В. В. Старкова была найдена брошюра Дикштейна «Кто чем живёт», воззвание к рабочим фабрики Торнтона и др.

Кроме того, во время обыска на квартире у Ванеева была взята полицией целиком готовая к печати рукопись первого номера газеты «Рабочее дело».

«Наше «Рабочее дело» не увидало света, — писала Н. К. Крупская. — 8 декабря было у меня на квартире заседание, где окончательно зачитывался уже готовый к печати номер. Он был в двух экземплярах. Один экземпляр взял Ванеев для окончательного просмотра, другой остался у меня. Наутро я пошла к Ванееву за исправленным экземпляром, но прислуга мне сказала, что он накануне съехал с квартиры. Раньше мы условились с Владимиром Ильичём, что я в случае сомнений буду наводить справки у его знакомого — моего сослуживца

[1] «Красный архив», т. I, 1934 г., стр. 91—92.
[2] Там же, стр. 93.
[3] Там же.

по Главному управлению железных дорог, где я тогда служила, — Чеботарёва. Владимир Ильич там обедал и бывал каждый день. Чеботарёва на службе не было. Я зашла к ним. Владимир Ильич на обед не приходил: ясно было, что он арестован. К вечеру выяснилось, что арестованы очень многие из нашей группы. Хранившийся у меня экземпляр «Рабочего дела» я отнесла на хранение к Нине Александровне Герд — моей подруге по гимназии, будущей жене Струве. Чтобы не всадить ещё больше арестованных, было решено пока «Рабочее дело» не печатать» [1].

*

Арестованный Ленин был заключён в одиночную камеру № 193 дома предварительного заключения.

И из тюрьмы Ленин продолжал руководить революционным рабочим движением Петербурга путём тайной переписки с товарищами, находящимися на воле. В тюрьме Ленин составил первый проект программы партии русских марксистов.

В тюрьме заключённым запрещалось иметь чернила, перочинные ножи для очинки карандашей, но Ленин нашёл выход из положения: вместо чернил он с немалым успехом пользовался молоком, чернильницы изготовлял из мякиша хлеба. Стоило появиться у двери камеры надзирателю, как «чернильница» тотчас же проглатывалась. В одном из писем Ленин писал: «Сегодня съел шесть чернильниц». Написанное же молоком и главным образом между строк какой-нибудь книги, не внушающей подозрения, не могло, конечно, привлечь внимание тюремной администрации. Этим же путём, между строк медицинской книги, был написан первый проект программы партии.

В тюрьме Ленин написал листовку «Царскому правительству», в которой разоблачал гнусность, насилие и произвол царского самодержавия. Прокламация «Царскому правительству» явилась ответом на правительственное сообщение по поводу 30-тысячной стачки рабочих-текстильщиков летом 1896 г. Ленин писал от имени петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»:

[1] *Н. Крупская,* Воспоминания о Ленине, стр. 21.

«Рабочие увидели ясно политику правительства — замолчать рабочие стачки и изолгать их. Рабочие увидели, как их соединённая борьба заставила отбросить полицейскую лицемерную ложь. Они увидели, чьи интересы оберегает правительство, которое обещало поддержку фабрикантам. Они поняли, кто их настоящий враг, когда на них, не нарушающих закона и порядка, точно на неприятелей послали войско и полицию. Сколько бы ни толковали министры о безуспешности борьбы, но рабочие видят, как присмирели везде фабриканты, и знают, что правительство созывает уже фабричных инспекторов совещаться о том, какие уступки надо сделать рабочим, ибо оно видит, что уступки необходимы. Стачки 1895—1896 годов не прошли даром. Они сослужили громадную службу русским рабочим, они показали, как им следует вести борьбу за свои интересы. Они научили их понимать *политическое положение и политические нужды рабочего класса*»[1].

В тюрьме Ленин начал готовить большую работу «Развитие капитализма в России». О задуманной работе он сообщил Н. К. Крупской и другим товарищам 2 января 1896 г. в письме из тюрьмы.

«У меня есть план,— писал Ленин,— который меня сильно занимает со времени моего ареста, и чем дальше, тем сильнее. Я давно уже занимался одним экономическим вопросом (о сбыте товаров обрабатывающей промышленности внутри страны), подобрал некоторую литературу, составил план его обработки, кое-что даже написал, предполагая издать свою работу отдельной книгой, если она превзойдёт размеры журнальной статьи»[2].

В письме Ленин запрашивает большое количество книг и журналов по вопросам экономики, статистики, промышленности и сельского хозяйства России, которые ему доставлялись родными и товарищами.

А. И. Елизарова писала о пребывании Ленина в тюрьме:

«Владимир Ильич, налаживаясь на долгое сиденье, ожидая далёкой ссылки после него, решил использовать за это время и питерские библиотеки, чтобы собрать материал для намеченной им работы «Развитие капитализма

[1] *Ленин,* Соч., т. I, стр. 458.
[2] *Ленин,* Письма к родным, 1931 г., стр. 14.

в России». Он посылал в письмах длинные перечни научных книг, статистических сборников, которые доставались ему из Академии наук, университетской и других библиотек. Я с матерью жила большую часть тюремного заключения Владимира Ильича в Питере, и мне приходилось таскать ему целые кипы книг, которыми был завален один угол его камеры. Позднее и с этой стороны условия стали более суровы: число книг, выдаваемых заключённому в камеру, было строго и скупо определено. Тогда же Ильич мог неспеша делать выписки из статистических сборников и, кроме того, иметь и другие — научные, беллетристические — книги на русском и иностранных языках.

Обилие передаваемых книг благоприятствовало нашим сношениям посредством их. Владимир Ильич обучил меня ещё на воле основам шифрованной переписки, и мы переписывались с ним очень деятельно, ставя малозаметные точки или чёрточки в буквах и отмечая условным знаком книгу и страницу письма.

Ну и перепортили мы с этой перепиской глаза не мало! Но она давала возможность снестись, передать что-либо нужное, конспиративное и была поэтому неоценима. При ней самые толстые стены и самый строгий начальнический надзор не могли помешать нашим переговорам. Но мы писали, конечно, не только о самом нужном. Я передавала ему известия с воли, то, что неудобно было, при всей маскировке, сказать на свидании. Он давал поручения такого же рода, просил передать что-либо товарищам, завязывал связи с ними, переписку по книгам из тюремной библиотеки; просил передать, к которой доске в клетке, в которую пускали гулять, прилеплена чёрным хлебом записка для того или другого из них. Он очень заботился о товарищах: писал ободряющие письма тому, кто, как он слышал, нервничал; просил достать тех или иных книг, устроить свидание тем, кто не имел его. Эти заботы брали много времени у него и у нас. Его неистощимое бодрое настроение и юмор поддерживали дух и у товарищей»[1].

21 декабря 1895 г., на двенадцатый день после ареста, Ленина вызвали на допрос. На допросе Ленин своими от-

[1] *А. И. Ульянова-Елизарова*, Воспоминания об Ильиче, «Молодая гвардия», 1935 г., стр. 73—74.

ветами старался не дать в руки жандармерии новых материалов о себе и своих товарищах.

Жандармский подполковник своими вопросами пытался выведать у Ленина круг его знакомств, но он отвечал: «...о знакомствах своих говорить не желаю, вследствие опасения компрометировать своим знакомством кого бы то ни было» [1].

Положительно ничего не добившись, жандармы не вызывали Ленина на допрос до 30 марта 1896 г., хотя за этот промежуток времени были допрошены почти все арестованные.

В протоколе допроса Ленина от 30 марта было записано:

«В квартирах рабочих на Васильевском острове, за Невской и Нарвской заставами я не бывал. Относительно предъявленных мне рукописей: 1) листок, на котором написано «Рабочее дело» и по рубрикам указаны разные статьи; 2) рукопись о стачке ткачей в Иваново-Вознесенске; 3) стачка в мастерской механического изготовления обуви, отобранных, по словам лиц, производящих допрос, у Анатолия Ванеева, объясняю, что они писаны моей рукой, а также предъявляемая мне рукопись: «Фридрих Энгельс» (из венской газеты «Neue Revue») писана мной, составляя перевод, сделанный мной во время пребывания за границей и приготовленный для напечатания в одном из русских изданий; фактических объяснений о рукописях под рубриками 1) 2) 3) я представить не могу» [2].

7 мая 1896 г. Ленин в третий раз был вызван на допрос, где сказал: «К показанию своему от 30 марта сего года я добавить ничего не могу. Относительно же свёртка, в котором, по словам лица, производящего допрос, оказались предъявленные мне на предыдущем допросе мои рукописи, я ничего сказать не могу. По поводу сделанного мне указания на имеющиеся против меня свидетельские показания — объясняю, что не могу дать объяснений по существу вследствие того, что мне не указаны показывающие против меня лица. Относительно своей заграничной поездки объясняю, что я предпринял её, поправившись только что от болезни воспаления лёгких,

[1] «Красный архив», т. I, 1934 г., стр. 98.
[2] Там же, стр. 110.

которою был болен весной 1895 г. в С.-Петербурге, причём я воспользовался при этом возможностью заняться по предметам своей специальности в Париже и Берлине—главным образом, в Берлинской королевской библиотеке. Ни в какие сношения с эмигрантами я не вступал»[1].

Жандармов особенно интересовал вопрос о пребывании Ленина за границей и установлении связей с плехановской группой «Освобождение труда», но они не получили удовлетворяющих их ответов. 27 мая 1896 г. Ленин был в четвёртый раз подвергнут допросу с участием товарища прокурора с.-петербургского окружного суда Горемыкина. Жандармы и на этот раз не получили никаких сведений о заграничных сношениях Владимира Ульянова. Ленин заявил:

«...Так как по поводу предъявленного мне на предыдущем допросе указания, что есть сведения о моих сношениях за границей с эмигрантом Плехановым, мне не сообщено, каковы эти сведения и какого рода могли быть эти сношения, то я считаю нужным объяснить, что эмигрант Плеханов проживает, как я слышал, вблизи Женевы, а я ни в Женеве, ни вблизи её не был и, следовательно, не мог иметь с ним сношений»[2].

По назойливым допросам Ленин догадывался, что в распоряжении жандармерии имеются агентурные сведения о пребывании его за границей и встречах там с Плехановым. Но он отлично знал, что агентурные сведения не могут быть ни предъявлены обвиняемому, ни приобщены к следственному производству и в судебных инстанциях не являются официальными документами. Жандармам оставалось одно — направить дознание на разрешение министра юстиции во внесудебном порядке.

*

За время четырнадцатимесячного пребывания в тюрьме Ленин был окружён большой заботой родных и близких. Особую заботу о нём проявляла его мать — Мария Александровна Ульянова, перенёсшая многие невзгоды. Она сочувствовала и помогала детям в их революционной работе. Всех встречавших Марию Александровну поражала её нравственная высота, мужество и достоинство.

[1] «Красный архив», т. I, стр. 111.
[2] Там же.

ПОДАНО
3782
ГОСУДАРСТВЕННАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
№ 111-273512

Часами она просиживала в приёмных, добиваясь свиданий с сыном, носила ему передачи в тюрьму, ободряла и согревала материнской нежностью и любовью.

29 января 1897 г. последовало распоряжение царского правительства о высылке Владимира Ильича Ульянова в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции сроком на три года.

Когда стало известно о высылке Ленина в Сибирь, Мария Александровна Ульянова стала хлопотать о назначении такого места поселения, где бы вблизи находился врач, так как весной 1895 г. Ленин перенёс воспаление лёгких. Департамент полиции уведомил Марию Александровну, «что вопрос о назначении сыну её Владимиру Ульянову города для водворения под надзор полиции зависит от усмотрения иркутского генерал-губернатора, к которому она и может обратиться со своим ходатайством, по объявлении Владимиру Ульянову о месте высылки» [1].

Чтобы избавить Ленина от изнурительного и длинного пути в Сибирь по этапу, М. А. Ульянова ходатайствовала о разрешении ему ехать в Сибирь на свой счёт.

13 февраля 1897 г. Ленину объявляется приговор о высылке его в Восточную Сибирь, и 14 февраля он был выпущен из дома предварительного заключения.

«Декабристам», т. е. арестованным в декабре 1895 г. деятелям петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса, — Ленину и другим — разрешено было до отправки в ссылку пробыть три дня (до вечера 17 февраля) в своих семьях. Пользуясь этим, Ленин побывал на двух собраниях: на квартире у С. И. Радченко и у Цедербаума (Мартова), где «старики» (или «декабристы») встретились с оппортунистами (так называемыми «молодыми»). Обсуждался «устав рабочей кассы». «Молодые» настаивали на том, чтобы ограничить рабочее движение узкими рамками экономической борьбы. В своём выступлении Ленин предостерегал против этого вредного пути. Позже, в 1902 г., в книге «Что делать?» Ленин рассказал об этом собрании петербургских социал-демократов:

«В начале 1897 года А. А. Ванееву и некоторым из его товарищей пришлось участвовать, перед отправкой их

[1] «Красный архив», т. I, стр. 118.

в ссылку, на одном частном собрании, где сошлись «старые» и «молодые» члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Беседа велась главным образом об организации и в частности о том самом «уставе рабочей кассы», который в окончательном своём виде напечатан в № 9—10 «Листка Работника» (стр. 46). Между «стариками» («декабристами», как их звали тогда в шутку петербургские социал-демократы) и некоторыми из «молодых» (принимавшими впоследствии близкое участие в «Раб. Мысли») сразу обнаружилось резкое разногласие и разгорелась горячая полемика. «Молодые» защищали главные основания устава в том виде, как он напечатан. «Старики» говорили, что нам нужно прежде всего вовсе не это, а упрочение «Союза борьбы» в организацию революционеров, которой должны быть соподчинены различные рабочие кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодёжи и т. под. Само собою разумеется, что спорившие далеки были от мысли видеть в этом разногласии начало расхождения, считая его, наоборот, единичным и случайным. Но этот факт показывает, что возникновение и распространение «экономизма» шло и в России отнюдь не без борьбы с «старыми» социал-демократами (это часто забывают нынешние экономисты). И если эта борьба не оставила, по большей части, «документальных» следов, то причина этого *единственно* та, что состав работающих кружков менялся невероятно часто, никакая преемственность не устанавливалась, а потому и разногласия не фиксировались никакими документами»[1].

*

Мария Александровна Ульянова обратилась в департамент полиции с прошением разрешить Ленину сделать остановку в Москве на несколько дней, чтобы провести их в семье. В департаменте полиции ответили, что надо обратиться к московскому обер-полицмейстеру.

Не успел ещё Ленин выехать из Петербурга в Москву, как в Московском охранном отделении 14 февраля 1897 г. уже сделано было распоряжение дежурным:

«Когда какой-либо пристав запросит по телефону, что ему делать с проходным свидетельством, предъявленным

[1] *Ленин*, Соч., т. IV, стр. 387.

Ульяновым, или же таковое свидетельство будет присланным в пакете, то тогда следует о прибытии Ульянова сообщить г. чиновнику для поручений Медникову, или же, в отсутствие последнего, С. Е. Фёдорову, для учреждения за Ульяновым гласного надзора.

Если же Ульянов явится лично в отделение и предъявит проходное свидетельство, то тогда спросить по сему делу начальство, как поступить с Ульяновым»[1].

В Москву Ленин прибыл 18 февраля. Через три дня (21 февраля 1897 г.) полицейский пристав 1-го участка Арбатской части г. Москвы рапортует в Московское охранное отделение:

«Упоминаемый в секретном прибавлении на 25 июня 1889 года, за № 26, сын действительного статского советника Владимир Ильин Ульянов сего числа остановился проездом из С.-Петербурга в г. Иркутск в д. Романовского по Собачьей площадке вверенного мне участка, сроком на два дня, согласно проходного свидетельства с.-петербургского градоначальника за № 2560.

Сообщая об этом отделению, имею честь уведомить, что за своевременным выездом Ульянова из Москвы имеется наблюдение»[2].

Желая продлить срок пребывания в Москве хотя бы на одну неделю, Ленин 22 февраля 1897 г. подал в Московское охранное отделение прошение:

«На основании распоряжения административных властей я подлежу ссылке в Восточную Сибирь на три года из С.-Петербурга. Г. директор департамента полиции разрешил мне ещё в С.-Петербурге отправиться в Иркутск по проходному свидетельству на свой счёт, заехав на двое суток в Москву к моей матери.

Найдя, что сопровождать меня в Иркутск ей крайне обременительно по слабому состоянию её здоровья и что остальные ссыльные по этому же делу отправлены по железной дороге на казённый счёт, моя мать подала уже из Москвы прошение г-ну директору департамента полиции о разрешении мне пробыть у неё несколько дольше и о том, чтобы присоединить меня к партии. Прошение это было послано во вторник, 18 февраля, с курьерским поездом, чтобы оно получено было в С.-Петербурге в

[1] «Красный архив», т. I, стр. 120.
[2] Там же.

среду и г. директор имел время сделать то или другое распоряжение. Но так как почтовые сношения всё-таки слишком медленны и я опасался, что срок моего пребывания в Москве может истечь раньше получения ответа, то на другой же день, в среду, 19 февраля, моей матерью послана была телеграмма в С.-Петербург г-ну директору департамента полиции с уплаченным ответом — телеграмма с прошением разрешить мне остаться при ней по случаю её болезни ещё на неделю. Справки, наведённые на телеграфе, показали, что ответ по телеграфу не получен, и потому я решил обратиться в Московское охранное отделение, предполагая, что ответ на телеграмму и на прошение сообщён предварительно ему.

В настоящее время, следовательно, я нахожусь в неопределённом положении. Если г. директор департамента полиции не разрешит мне присоединиться к партии для отправки на казённый счёт по железной дороге, то я тотчас же по получении ответа отправляюсь в г. Иркутск на свой счёт, согласно предписанию, содержащемуся в выданном мне проходном свидетельстве.

На основании вышеизложенного я имею честь покорнейше просить Московское отделение о выдаче мне контрамарки для того, чтобы остаться в Москве до получения ответа из департамента полиции.

Помощник прис. поверенного
Владимир Ульянов»[1].

В ответ на это прошение Московское охранное отделение в тот же день приняло меры к выдворению Ленина из Москвы.

На проходном свидетельстве в охранном отделении была сделана надпись:

«Ульянов прибыл из С.-Петербурга в Москву 18 февраля 1897 г., выбыл из здешней столицы по направлению в г. Иркутск 22 сего февраля 1897 г.»[2].

Ленин выдал расписку о получении проходного свидетельства и обязательство немедленно выехать из Москвы.

22 февраля 1897 г. Ленин выехал из Москвы в Сибирь в вагоне третьего класса. Багаж его состоял главным

[1] «Красный архив», т. I, стр. 121.
[2] Там же.

образом из книг. Мария Александровна, сёстры — Мария Ильинична и Анна Ильинична с мужем Марком Тимофеевичем Елизаровым провожали Ленина до Тулы.

Полицейские тщательно проследили за выездом Ленина из Москвы.

Исполняющий должность московского обер-полицмейстера полковник Трепов 24 февраля 1897 г. донёс в департамент полиции, что «помощник присяжного поверенного Владимир Ильин Ульянов, упоминаемый в отношении департамента от 12 сего февраля, за № 1419, прибыв 18 февраля в Москву, 22 числа выбыл из столицы по направлению в город Иркутск; пребывание же Ульянова в Москве сверх разрешённой остановки в течение двух дней допущено Ульяновым самовольно без предъявления полиции проходного свидетельства, в ожидании будто бы ответа на поданное им в департамент полиции прошение» [1].

*

Во второй половине дня 25 февраля 1897 г. поезд, направлявшийся в Сибирь, в котором ехал Ленин, остановился в Самаре для смены паровоза и осмотра вагонов.

На станции Самара Ленина встретил житель Красноярска врач Владимир Михайлович Крутовский. Крутовский ехал в Красноярск в одном поезде с Лениным.

В. М. Крутовский в то время примыкал к народническому кружку, был активным деятелем в «Обществе врачей Енисейской губернии» и за участие в движении сибирских областников состоял под негласным надзором полиции.

Весь путь из Самары в Красноярск проходил в горячих спорах Ленина с представителем народничества Крутовским.

Между спорами на общеполитические темы Ленин получил от Крутовского ряд полезных сведений об условиях жизни в Восточной Сибири, о политических течениях среди сибирской интеллигенции. Крутовский, кроме того, подробно охарактеризовал нравы высшей администрации восточносибирского генерал-губернаторства, ознакомил своего собеседника с Красноярском, рассказал о замечательной библиотеке купца Юдина, а также

[1] «Красный архив», т. I, стр. 122.

высказал мысль о возможности получить разрешение генерал-губернатора отбывать ссылку в южной части Енисейской губернии. Обо всём этом Ленин писал матери:

«Встретился в нашем поезде с тем самым Arzt'ом, у коего Анюта была в С.-Петербурге. От него узнал кое-какие полезные для меня вещи насчёт Красноярска и др. По его словам, остановиться там можно будет, без всякого сомнения, на несколько дней. Я так и думаю сделать, чтобы выяснить своё дальнейшее положение. Если дам телеграмму: «Остаюсь несколько дней», то это значит, что срок остановки ещё не определился и для меня самого... Задержки из-за назначения мне места, по словам того же лица, ждать нельзя: вероятнее, что это уже решено, ибо все необходимые для сего мероприятия принимаются заранее...

Благодаря беседе с Arzt'ом мне уяснилось (хотя приблизительно) очень многое, и я чувствую поэтому себя очень спокойно: свою нервность оставил в Москве. Причина её была неопределённость положения, не более того. Теперь же неопределённости гораздо меньше, и потому я чувствую себя хорошо»[1].

На пути из Челябинска к Омску по Западносибирской железной дороге, которая часто переплетается с Московским трактом, из окна вагона можно было наблюдать партии колодников, направлявшихся в далёкие сибирские селения. Дорога по Западной Сибири скучная, пейзаж степной, однообразный. Только от станции Кривощёково, где кончалась Западносибирская и начиналась Среднесибирская железная дорога, природа становилась богаче, разнообразнее. Появился лес. На станции Кривощёково предстояла пересадка. Реку Обь переезжали на лошадях, так как мост ещё не был достроен.

2 марта 1897 г. Ленин прибыл на станцию Обь. Вблизи станции находился небольшой посёлок, который затем преобразовался в г. Новониколаевск, ныне Новосибирск — крупнейший город Советского Союза.

На станции Обь, в ожидании поезда на Красноярск, Ленин писал матери:

«Пишу тебе, дорогая мамочка, ещё раз с дороги. Остановка здесь большая, делать нечего, и я решил приняться

[1] *Ленин*, Письма к родным, стр. 24—25.

паки и паки за дорожное письмо — третье по счёту. Ехать всё ещё остаётся двое суток. Я переехал сейчас на лошадях через Обь и взял уже билеты до Красноярска... 700 вёрст мы протащимся двое суток. Дальше, за Красноярском, движение есть только до Канска, т. е. на 220 вёрст, а всего до Иркутска около 1000. Значит, придётся ехать на лошадях, — *если придётся.* На эти 220 вёрст железной дороги уходит тоже сутки: чем дальше, тем тише ползут поезда...

Несмотря на дьявольскую медленность передвижения, я утомлён дорогой несравненно меньше, чем ожидал. Можно сказать даже, что вовсе почти не утомлён. Это мне самому странно, ибо прежде, бывало, какие-нибудь 3 суток от Самары до Спб. и то измают. Дело, вероятно, в том, что я здесь все ночи без исключения прекрасно сплю... Мороз крепкий: больше 20°, но переносится он несравненно легче, чем в России. Я бы не сказал, что здесь 20°. Сибиряки уверяют, что это благодаря «мягкости» воздуха, которая делает мороз гораздо легче переносимым. Весьма правдоподобно» [1].

Поезд от станции Обь в Красноярск тянулся медленно. Почти на каждой станции длительные стоянки для погрузки дров, которыми отоплялись паровозы. Нередко поезд застревал в пути. Вновь сооружённая линия под влиянием начинавшейся весенней оттепели делала осадку.

От реки Томь дорога шла тайгой, пейзаж вновь изменился, селения вовсе стали редкими. Железнодорожные посёлки только что ещё основывались. Крупная по тому времени узловая станция Тайга, откуда начиналось движение по Томской ветке, представляла собой небольшую поляну, расчищенную среди дремучего леса.

От станции Тайга поезда шли ещё медленнее. На многочисленных таёжных речках были установлены временные деревянные мосты, что, естественно, замедляло движение. Долго простаивали поезда на полустанках в ожидании встречного, чтобы разъехаться.

Предпоследняя длительная стоянка была на станции Боготол, где сменялся паровоз. От Боготола железнодорожный путь идёт почти параллельно Московскому тракту. Здесь, так же как и в Западной Сибири, часто попадались многочисленные партии колодников.

[1] *Ленин*, Письма к родным, стр. 23—24.

Поздним вечером поезд пересек реку Чулым. До Красноярска оставалось меньше 200 вёрст, и Ленин размышлял о том, где найти пристанище по приезде в Красноярск. Крутовский пригласил его к себе, но Ленин отказался воспользоваться предложением попутчика. Тогда В. М. Крутовский посоветовал заехать на квартиру Клавдии Гавриловны Поповой, где часто останавливались политические. Хотя эта квартира не могла полностью удовлетворить Ленина (она, несомненно, находилась под постоянным наблюдением полиции), тем не менее он решил воспользоваться этим адресом.

III

Вечером 4 марта 1897 г. Ленин прибыл в Красноярск и направился на квартиру К. Г. Поповой (Большекаченская улица, № 33).

Клавдия Гавриловна Попова отвела Ленину небольшую светлую комнату на втором этаже; два окна выходили во двор и одно — на улицу. Из последнего открывался вид на закаченскую сторону города, на вершину горы с часовенной башней.

В комнате стояли деревянная кровать, два стола простого дерева: один, покрытый скатерью, для обеда, другой для занятий. Над обеденным столом — большое, в резной раме, старинное зеркало. Над письменным столом висела десятилинейная керосиновая лампа. В комнате было несколько простых, окрашенных в тёмный цвет, деревянных кресел и диван.

О том, как устроился Ленин на квартире у К. Г. Поповой, он сообщает в письме к Марии Александровне и Анне Ильиничне 17 апреля:

«Здесь я живу очень хорошо: устроился на квартире удобно — тем более, что живу на полном пансионе. Для занятий достал себе книг по статистике (как я уже писал, кажется), но занимаюсь мало, а больше шляюсь»[1].

Гостеприимством К. Г. Поповой Ленин пользовался во всё время пребывания в Красноярске — с 4 марта по 30 апреля 1897 г.

В проходном свидетельстве, по которому следовал Ленин к месту своего назначения в г. Иркутск, на обратной стороне указывалось, что В. И. Ульянов не может

[1] *Ленин,* Письма к родным, стр. 34.

проживать нигде, кроме города Иркутска, и не позднее 24 часов со времени приезда в этот город обязан лично предъявить свидетельство в канцелярию иркутского военного генерал-губернатора. Во время пути он не имеет права уклоняться от вручённого ему маршрута и останавливаться где бы то ни было, за исключением особых случаев, при непреодолимых препятствиях. В этих случаях он обязан немедленно заявить о своей остановке местному полицейскому начальству.

Ленин остановился в Красноярске вследствие «непреодолимых препятствий» — наступившей весенней распутицы. К тому же он принял твёрдое намерение ходатайствовать об оставлении его в пределах Енисейской губернии.

Пользуясь присутствием в Красноярске иркутского военного генерал-губернатора Горемыкина, Ленин написал ему соответствующее прошение. Ссылаясь на слабость здоровья, он просил о назначении ему местожительства в пределах Енисейской губернии, если возможно, в Красноярском или Минусинском округе.

Находясь в Красноярске, Ленин сделался постоянным посетителем городской библиотеки, которая находилась недалеко от его квартиры. 15 марта 1897 г. он писал матери: «Посещаю и городскую библиотеку, в ней можно просматривать журналы и газеты; приходят они сюда на 11 день, и я всё ещё не могу свыкнуться с такими поздними «новостями» [1].

Из достопримечательностей города Ленин обратил внимание на дом, где родился и вырос великий русский художник Василий Иванович Суриков.

Живописные окрестности Красноярска служили местами прогулок Ленина, часто он ходил к Енисею — могучей сибирской реке.

«...Здесь окрестности города, по реке Енисею, напоминают не то Жигули, не то виды Швейцарии: я на-днях совершил несколько прогулок (дни стояли тут совсем тёплые и дороги уже высохли), которыми остался очень доволен...»[2], — писал Ленин своим родным 17 апреля.

[1] *Ленин*, Письма к родным, стр. 28.
[2] Там же, стр. 34.

*

Ленин беспокоился о своих товарищах по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» — А. А. Ванееве, Г. М. Кржижановском, В. В. Старкове и других, которые следовали в ссылку в тюремных вагонах. Этой группе ссыльных предстояло первыми «открыть» новый способ передвижения арестантов по Сибирской железной дороге вместо этапа по старому Московскому тракту. Ленин часто справлялся в тюремном отделении губернского управления о сроке прибытия этой партии ссыльных.

«Жаль ужасно, что ничего неизвестно о партии, — писал Ленин матери 15 марта из Красноярска. — Я уже и ждать перестал телеграммы от Анюты, решив, что ей не удаётся ничего узнать, или что вышла задержка. Здесь, как слышно, сняты уже этапы, — значит, партия приедет по железной дороге. А если так, то непонятно, почему её задерживают в Москве» [1].

Для организации пересылки арестантов по Восточной Сибири и Забайкалью была учреждена специальная должность инспектора с местопребыванием в Красноярске. Каждый арестант, направляемый в Восточную Сибирь, должен был сделать непременную остановку в Красноярской пересыльной тюрьме в ожидании распоряжения генерал-губернатора Восточной Сибири, штаб-квартира которого находилась в Иркутске.

Наконец, Ленину удалось узнать о времени прибытия ожидаемой партии.

31 марта 1897 г. в тюремное отделение сообщили, что в Восточную Сибирь, в распоряжение иркутского генерал-губернатора, следует шесть партий политических.

Согласно расписанию первая партия, в которой следовали деятели петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», отправилась из Москвы 25 марта и должна была прибыть в Красноярск 3 апреля 1897 г.

Известие о прибытии товарищей очень обрадовало Ленина. «Теперь мы считаем дни,—писал он матери,—и «едем» с почтовым поездом, вышедшим из Москвы 25-го» [2].

Партия ссыльных, которую ждал Ленин, прибыла в Красноярск 4 апреля.

[1] *Ленин,* Письма к родным, стр. 28.
[2] Там же, стр. 29.

Сестре Кржижановского Антонине Максимилиановне, последовавшей в ссылку за своим женихом В. В. Старковым, было дано разрешение на свидание с ним. Воспользовавшись этим, Ленин вместе с ней вышел к поезду. Встречающие устремились к тюремному вагону, но стража не допустила их близко. С приехавшими удалось лишь издали обменяться приветствиями. Партию ссыльных под усиленным конвоем направили в тюрьму.

Особенно тревожило Ленина здоровье Анатолия Александровича Ванеева, который до приезда в Красноярск, находясь в петербургской тюрьме, болел плевритом. Ему как одному из активных участников революционного движения, члену «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», местом ссылки был назначен самый северный, отдалённый пункт Енисейской губернии — Туруханск.

Спустя некоторое время Ленину удалось несколько дней побыть вместе с А. А. Ванеевым, а в сопровождении Г. М. Кржижановского и В. В. Старкова Ленин ехал на пароходе по Енисею из Красноярска в Минусинск.

*

В Красноярске Ленин встретился с одним из пионеров революционного марксизма в России — Николаем Евграфовичем Федосеевым.

В марксистском кружке, организованном Федосеевым в Казани в 1887 г., в своё время участвовал Ленин. Он много знал о жизни и борьбе этого замечательного революционера, но лично с ним тогда не встречался.

Не имея возможности встретиться лично, Ленин вёл переписку с Федосеевым. «Насколько я помню, — писал Ленин в 1922 г.,—моя переписка с Федосеевым касалась возникших тогда вопросов марксистского или с.-д. мировоззрения. Особенно осталось в моей памяти, что Федосеев пользовался необыкновенной симпатией всех его знавших, как тип революционера старых времён, всецело преданного своему делу...» [1].

Случай для встречи Ленина с Федосеевым представился в Красноярске. Ленин узнал, что в пересыльную красноярскую тюрьму прибывает в числе других ссыльных Н. Е. Федосеев.

[1] *Ленин*, Соч., т. XXVII, стр. 376.

При распределении высылаемых в распоряжение иркутского генерал-губернатора, Н. Е. Федосеева включили во вторую партию. Эта партия, согласно расписанию, должна была выехать из Москвы 1 апреля 1897 г.

10 апреля, задолго до прибытия поезда, Ленин пришёл на красноярский вокзал. Наконец, подошёл долгожданный поезд. Ленин устремился к арестантскому вагону, окна которого были открыты, и сквозь железную решётку впервые увидел Н. Е. Федосеева. Но личное свидание не состоялось. Вся партия ссыльных, в которой следовал Николай Евграфович, была направлена в пересыльную тюрьму.

Ленину не удалось лично встретиться с Федосеевым на вокзале, но была надежда увидеться в фотографии Г. Кеппеля, куда пересыльных приводили из тюрьмы фотографировать.

По совету политических ссыльных, Г. Кеппель завёл альбом и коллекционировал фотографические карточки. Всякий политический, приехавший в Красноярск, обращался в фотографию Кеппеля, чтобы просмотреть альбом и узнать, кто из политических ссыльных и когда проследовал через Красноярск. Если же не было препятствий по конспиративным соображениям, то политические, приехавшие в Красноярск, сами снимались у Кеппеля и пополняли своими карточками альбом.

О существовании фотографии Г. Кеппеля Ленин узнал ещё на пути в Сибирь. По прибытии в Красноярск он первым долгом направился в этот своего рода справочный пункт.

Ленин несколько дней подряд наведывался в фотографию узнать, не приведут ли Федосеева, но всё было тщетно.

Не дождавшись распоряжения властей, от которых зависело направление в фотографию, 15 апреля Н. Е. Федосеев, стремясь скорее встретиться с Лениным, обращается с прошением к енисейскому губернатору разрешить ему «сняться в местной фотографии или пригласить фотографа для снимки в тюрьму».

Просьба Федосеева была оставлена без последствий.

Из пересыльной тюрьмы в распоряжение красноярского полицмейстера были направлены Анатолий Ванеев и Юлий Цедербаум. И через них Николай Евграфович передал Ленину некоторые сведения о себе. Н. Е. Федо-

сеев, перенёсший долгие годы тюрьмы, ссылки, скитания по этапам, был серьёзно болен неврастенией. Его болезненное состояние усугублялось неслыханными клеветническими измышлениями, возводимыми на него политическими противниками Юхоцким и Олениным, следовавшими вместе с ним в ссылку. Эти клеветники не нашли других средств борьбы с активным марксистом.

Пользуясь освобождением А. Ванеева и Ю. Цедербаума из пересыльной тюрьмы, было решено устроить свидание Н. Е. Федосеева с Лениным во дворе тюрьмы. Для этого Ленину предстояло разыграть роль хозяина телеги.

Чтобы устроить встречу Ленина с Н. Е. Федосеевым, Ванеев и Цедербаум, выходя из тюрьмы, не забрали своих вещей, а на следующий день, 24 апреля 1897 г., явились за ними в тюремный цейхгауз с телегой, которую, кроме извозчика, сопровождал Ленин в качестве хозяина телеги. Одетый в большую шубу, Ленин показался часовым похожим на извозопромышленника, и они его пропустили.

В цейхгаузе же Ванеев и Цедербаум потребовали у надзирателя вызова Федосеева как «старосты» политических для сдачи имущества. Пока Ванеев и Цедербаум укладывали на телегу своё имущество, Ленин и Н. Е. Федосеев вели дружескую беседу.

Эта встреча Ленина с Н. Е. Федосеевым в Красноярске была первой и последней. Уже находясь в селе Шушенском, Ленин получил известие о трагической гибели Н. Е. Федосеева. По этому поводу Ленин 15 июля 1898 г. писал своей сестре А. И. Елизаровой:

«О Н. Е. [Федосееве] получил вчера письмо доктора [Ляховского]. Н. Е. покончил с собой выстрелом из револьвера (5/VII). 23/VI его похоронили. Оставил письмо Глебу и ему же рукописи, а мне, дескать, велел передать, что умирает «с полной беззаветной верой в жизнь, а не от разочарования». Не ожидал я, что он так грустно кончит. Должно быть, ссыльная «история», поднятая против него одним скандалистом, страшно на него повлияла»[1].

Несколько позже (16 августа) Ленин писал родным:

«Ужасно это трагическая история! И дикие клеветы какого-то негодяя Юхоцкого *(политический!!* ссыльный

[1] *Ленин*, Письма к родным, стр. 117.

в Верхоленске) сыграли в этом финале одну из главных ролей. Н. Е. был страшно поражён этим и удручён. Из-за этого он решил не брать *ни* от *кого* помощи и терпел страшные лишения. Говорят, дня за 2—3 до смерти он получил письмо, в котором повторяли эти клеветы. Чорт знает что такое! Хуже всего в ссылке эти «ссыльные истории», но я никогда не думал, чтобы они могли доходить до таких размеров! Клеветник давно был открыт и решительно осуждён всеми товарищами, и я никак не думал, что Н. Е. (обладавший некоторым опытом по части ссыльных историй) берёт всё это так ужасно близко к сердцу»[1].

Впоследствии Ленин, находясь в селе Шушенском, заботился о сборе средств на постройку памятника Н. Е. Федосееву в г. Верхоленске, Иркутской губернии.

В статье «Несколько слов о Н. Е. Федосееве» Ленин писал: «...для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своём повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»[2].

*

Город Красноярск, будучи распределительным пунктом политической ссылки Восточной Сибири, являлся в то же время и местом, куда водворялись на жительство политические ссыльные по особому на то разрешению департамента полиции или генерал-губернатора.

Ленин нашёл здесь небольшую колонию политических ссыльных, состоявших преимущественно из народников и нескольких социал-демократов.

Административно-ссыльные, находившиеся под гласным надзором полиции, были связаны с местной группой интеллигентов — сибирских областников, бывших под негласным надзором полиции.

Народническую группу ссыльных в Красноярске возглавлял Караулов[3]. К народникам примыкала группа об-

1 *Ленин*, Письма к родным, стр. 125.
2 *Ленин*, Соч., т. XXVII, стр. 377.
3 Впоследствии кадет и депутат III Государственной думы от Красноярска. — *Ред.*

ластников, в которую входили врач Крутовский, бывший семинарист Анучин и другие.

По данным полицейского отчёта за 1897 г., под негласным надзором полиции в Красноярске состояло 29 лиц.

Наиболее малочисленной была социал-демократическая группа. Она создалась в 1897 г., когда в сибирскую ссылку стали прибывать члены разгромлённых охранкой «Союзов борьбы» Петербурга и других крупных городов Европейской России.

Во главе марксистской группы стоял уроженец Красноярска, сосланный под надзор полиции, студент Петербургского университета Пётр Ананьевич Красиков, впоследствии активный искровец, видный член партии большевиков. Вокруг Красикова группировались рабочие и служащие строительства железной дороги. Красноярский полицмейстер характеризовал П. А. Красикова как человека неспокойного, ведущего большую переписку.

Как только Ленин прибыл на квартиру к Поповой, первым долгом был приглашён Красиков, познакомивший Ленина с политическими настроениями местной интеллигенции и положением рабочих строителей железной дороги и моста.

В доме Поповой во время пребывания Ленина по вечерам часто собиралась для собеседований революционно настроенная молодёжь.

На одну из нелегальных дискуссий, которая состоялась на квартире Караулова, где обычно шёл спор между сторонниками Красикова и народниками, был приглашён Ленин. Он принял активное участие в диспуте, подверг резкой критике взгляды народников и ярко обрисовал отношение марксизма к народничеству.

*

Ещё по пути в Красноярск Ленин узнал от врача Крутовского, что за городом, на Таракановской даче, у купца-библиофила Г. В. Юдина имеется большая домашняя библиотека, которой можно пользоваться.

Г. В. Юдин собрал массу книг, журналов, газет, относящихся к истории России вообще и Сибири в особенности.

В книгохранилище Г. В. Юдина находилось 80 тысяч томов, имеющих огромную литературно-историческую

ценность. В библиотеке было немало сочинений на латинском, греческом, немецком, французском и итальянском языках.

По приезде в Красноярск, 7 марта 1897 г., В. М. Крутовский снабдил Ленина рекомендательным письмом к Г. В. Юдину:

«Милостивый государь Геннадий Васильевич.

Некто г-н Ульянов — мой знакомый, очень хотел бы осмотреть Вашу интересную библиотеку и узнать условия, на которых Вы допускаете заниматься в ней. Он поэтому просил меня дать ему к Вам рекомендацию, и вы сделаете мне большое одолжение исполнением его желания.

Всегда готовый к Вашим услугам *В. М. Крутовский*»[1].

Заручившись запиской Крутовского, Ленин направился к Юдину.

Г. В. Юдин охотно откликнулся на просьбу Ленина воспользоваться его библиотекой и в тот же день показал ему свои сокровища.

О первом посещении библиотеки Ленин на следующий же день написал своей сестре Марии Ильиничне:

«Вчера попал таки в здешнюю знаменитую библиотеку Юдина, который радушно меня встретил и показывал свои книгохранилища. Он разрешил мне и заниматься в ней и я думаю, что это мне удастся. (Препятствия тут два: во 1-х, его библиотека за городом, но расстояние небольшое, всего версты две, так что это приятная прогулка. Во 2-х, библиотека не закончена устройством, так что я могу чрезмерно обременить хозяина частым спрашиванием книг). Посмотрим, как это выйдет на деле. Думаю, что и второе препятствие устранится. Ознакомился я с его библиотекой далеко не вполне, но это во всяком случае замечательное собрание книг. Имеются, напр., полные подборы журналов (главнейших) с конца 18 века до настоящего времени. Надеюсь, что удастся воспользоваться ими для справок, которые так нужны для моей работы» [2].

С тех пор Ленин ежедневно совершал прогулки на Таракановскую дачу для занятий в библиотеке Юдина.

[1] Записки Института Ленина, III, 1928 г., стр. 84.
[2] *Ленин*, Письма к родным, стр. 26.

«В библиотеку хожу ежедневно, — писал он матери, — и так как она (*лежит*) находится в 2-х верстах от окраины города, то мне приходится проходить вёрст 5 — около часа пути. Прогулкой такой я очень доволен и гуляю с наслаждением...» [1]

Г. В. Юдин нашёл в своём новом посетителе весьма прилежного исследователя, серьёзно работающего над книгой, и предоставил ему все возможные удобства для занятий в библиотеке. Но, к сожалению, всех запросов Ленина библиотека удовлетворить не могла.

Несмотря на это, Ленин всё же сумел получить в известной степени нужные ему материалы. Он нашёл в библиотеке Юдина «Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России с поимённым списком фабрик и заводов», который был использован им для книги «Развитие капитализма в России».

В приложении к третьему тому Сочинений Ленина указан ряд книг, относящихся к экономической характеристике сибирского крестьянства и имевшихся в библиотеке Юдина. Например: И. А. Гурвич «Переселения крестьян в Сибирь», Г. А. Приймак «Цифровой материал для изучения переселения крестьян в Сибирь», «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» и др.

После тщательного ознакомления с библиотекой Ленин в письме к родным 15 марта 1897 г. писал: «В библиотеке оказалось гораздо меньше книг по моему предмету, чем можно было думать, судя по общей её величине, но всё-таки есть кое-что для меня полезное, и я очень рад, что могу провести здесь время не совсем зря» [2].

Ленин посылает А. И. Елизаровой дополнительный список литературы, которую просит купить у петербургских букинистов или достать в московских библиотеках:

«1. «Ежегодник министерства финансов». Спб., 1869 год. Выпуск 1.

2. «Статистический временник Российской империи».

[1] *Ленин,* Письма к родным, стр. 27.
[2] Там же.

Издание Центрального статистического комитета министерства внутренних дел.

Серия II, выпуск 6-ой: «Материалы для статистики фабрично-заводской промышленности в Европейской России за 1868 год», обработанные И. Боком. Спб., 1872.

3. «Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России с поимённым списком фабрик и заводов». Составил Д. Тимирязев. Выпуск 3-ий. Спб., 1873.

Первые два выпуска я нашёл здесь у Юдина. Стоимость этих трёх книг первоначальная: 1) 2 р., 2) 1 р. и 3) 1 р. 50 к., но только в продаже-то их нет»[1].

Найденная в юдинской библиотеке литература и другие материалы, полученные Лениным прежде всего от А. И. Елизаровой, были использованы им в работе над крупнейшими произведениями научного социализма, в том числе в работе над знаменитой книгой «Развитие капитализма в России».

В наши дни в советском Красноярске в помещении библиотеки Юдина находится начальная школа № 4. В комнате, где занимался Ленин, — библиотека. Снаружи, под окнами этой комнаты, укреплён металлический барельеф Ленина и мемориальная доска с надписью: «Здесь, в библиотеке Юдина, весной 1897 года ежедневно работал Владимир Ильич Ленин, задержавшийся в Красноярске на пути к месту ссылки—село Шушенское».

*

В период сибирской ссылки Ленин написал ряд теоретических работ против народников — врагов революционного марксизма. Известно, какое исключительное значение в деле идейного разгрома народничества имела выпущенная нелегально в Петербурге книга Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894 г.). Но народничество надо было добить до конца. Эту задачу выполнил Ленин в своих последующих теоретических работах.

Во время пребывания в Красноярске Ленин написал крупную теоретическую работу «К характеристике экономического романтизма». В этой работе, на разборе учения швейцарского экономиста начала XIX столетия

[1] *Ленин*, Письма к родным, стр. 30.

Сисмонди, Ленин подверг критике реакционные взгляды идеологов русского либерального народничества.

Экономические взгляды народников являлись по существу разновидностью учения Сисмонди, отличались от взглядов классиков буржуазной политической экономии А. Смита и Д. Рикардо.

Ленин так характеризовал отличие экономических взглядов мелкобуржуазного экономиста-романтика Сисмонди от классиков буржуазно-политической экономии: «В противоположность экономистам-классикам, которые имели в виду при своих построениях уже сложившийся капиталистический строй и наличность класса рабочих брали за нечто данное и подразумевающееся само собой, Сисмонди подчёркивает именно процесс разорения мелкого производителя, — процесс, ведший к образованию этого класса. Что указание этого противоречия в капиталистическом строе составляет заслугу Сисмонди — это неоспоримо, но дело в том, что, как экономист, Сисмонди не сумел *понять* этого явления и свою неспособность к последовательному анализу прикрывал «благими пожеланиями». Разорение мелкого производителя доказывает, по мнению Сисмонди, сокращение внутреннего рынка» [1].

Вопрос об образовании внутреннего рынка всё ещё был в центре спора народников с марксистами. Народники продолжали настаивать на том, что массы, главным образом крестьяне, бедны, не имеют средств для покупки товаров, поэтому отсутствует внутренний рынок и нет почвы для роста крупного капитализма в России. Марксисты же на основе научного анализа, используя богатый конкретный материал, доказали, что рост товарно-денежных отношений создаёт внутренний рынок и на средства производства и на средства потребления.

Ленин показал, что развитие капитализма и фермерства в частности не сокращает, а *создаёт* внутренний рынок, что по мере того, как домашнее производство уступает место производству на продажу, а кустарь уступает место фабрике,—идёт образование рынка для *капитала*.

Сисмонди и народники идеализировали мелкое товарное производство, стремились сохранить мелкую собственность, противопоставляя её крупному капиталу. Но, идеализируя мелкую собственность, русские народ-

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 10.

ники, как и Сисмонди, не хотели признавать мелкобуржуазный характер мелкой собственности, называя её «народной».

«Мы видели, — писал Ленин, — как французский и русский романтик одинаково превращают мелкое производство в «социальную организацию», в «форму производства», *противополагая её капитализму*. Мы видели также, что подобное противоположение не заключает в себе ничего, кроме крайней поверхностности понимания, что это есть искусственное и неправильное выделение одной формы товарного хозяйства (крупный промышленный капитал) и осуждение её, при утопической идеализации *другой формы того же* товарного хозяйства (мелкое производство). В том-то и беда как европейских романтиков начала XIX века, так и русских романтиков конца XIX, что они сочиняют себе какое-то абстрактное, вне общественных отношений производства стоящее мелкое хозяйство, и *просматривают* то маленькое обстоятельство, что это мелкое хозяйство в действительности стоит в обстановке *товарного производства*, — как мелкое хозяйство европейского континента 1820-х годов, так и русское крестьянское хозяйство 1890-х годов. В *действительности* мелкий производитель, возводимый в апофеоз романтиками и народниками, есть поэтому *мелкий буржуа*, стоящий в таких же противоречивых отношениях, как и всякий другой член капиталистического общества, отстаивающий себя точно так же борьбой, которая, с одной стороны, постоянно выделяет небольшое меньшинство крупных буржуа, с другой стороны, выталкивает большинство в ряды пролетариата. В действительности, как это всякий видит и знает, нет таких мелких производителей, которые бы не стояли *между* этими двумя противоположными классами, и это срединное положение обусловливает необходимо специфический характер мелкой буржуазии, её двойственность, двуличность, её тяготение к меньшинству, счастливо выходящему из борьбы, её враждебное отношение к «неудачникам», т. е. большинству. Чем дальше развивается товарное хозяйство, тем сильнее и резче выступают эти качества, тем явственнее становится, что идеализация мелкого производства выражает лишь реакционную, мелкобуржуазную точку зрения» [1].

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 79—80.

Народники, пропагандируя реакционные взгляды, не хотели видеть, что с развитием промышленного капитализма рождается новый революционный класс — пролетариат, могильщик капитализма и созидатель социалистического общества.

Работа Ленина «К характеристике экономического романтизма» была написана для легального издания, и он подбирал такие слова и выражения, чтобы её пропустила цензура. Напечатана была работа Ленина в журнале «Новое Слово», который с апреля 1897 г. был органом «легальных марксистов». Наряду со статьями «легальных марксистов» (П. Струве, М. Туган-Барановского) в нём помещались написанные «эзоповским» языком статьи революционных марксистов.

Часть гонорара за помещённую в журнале статью «К характеристике экономического романтизма» Ленин предложил использовать на покупку и присылку нужных ему книг для последующих теоретических работ. Об этом он писал сестре Анне Ильиничне: «Насчёт книг: как посылать их,—смотри выше. Что послать? Если получится гонорару рублей 150 (может быть, это в три приёма: через час, то-бишь через месяц по ложке?), то можно отделить и на книги. Купи мне тогда три последние выпуска «Промыслов Владимирской губернии» (3.75), «Влияние урожаев etc.» Чупрова и Постникова (5.00), «Указатель фабрик и заводов за 1890 год. Спб., 1894» (5.00?). Затем я ещё напишу—смотря по размеру гонорара, который посему незачем посылать (конечно, Schwester'y) сразу. Напиши, пожалуйста, писателю [1], что я был бы очень рад, если бы он отделил несколько десятков рублей и согласился посылать мне вместо них книг: и русских и иностранных и для рецензий и просто так» [2].

Книги, которые просил Владимир Ильич, были позже высланы ему Анной Ильиничной Елизаровой в село Шушенское, Минусинского округа.

[1] Струве. — *Ред.*
[2] *Ленин*, Письма к родным, стр. 35.

IV

Ленин ждал в Красноярске ответа на своё ходатайство о замене иркутской ссылки южным районом Енисейской губернии.

22 марта 1897 г. енисейский губернатор, чтобы убедиться в том, что Ленин по состоянию здоровья нуждается в поселении в южной части Енисейской губернии, решил подвергнуть его медицинскому осмотру. В здании врачебного отделения «особого присутствия» под председательством вице-губернатора, с участием полицмейстера и тюремного инспектора было констатировано у Ленина заболевание лёгких. В первых числах апреля из Иркутска врач Ляховский, направленный туда в ссылку, телеграфировал: «Слышал назначении Вас Минусинск» [1].

Эта телеграмма очень обрадовала Ленина. В письме к матери 5 апреля 1897 г. он писал:

«Назначением своим (если слух оправдается,—а я не думаю, чтобы он был ошибочный) я очень доволен, ибо Минусинск и его округ — лучшие в этой местности по превосходному климату и по дешевизне жизни. Расстояние от Красноярска не очень большое, почта ходит два или три раза в неделю, так что письмо с ответом будет ходить, вероятно, вместо теперешних 22—23 дней, дней 30—35, не более. Я думаю, что раньше навигации ехать мне не удастся, ибо распутица теперь уже полная, и партия, отправляющаяся в Иркутск, задержана здесь вся до

[1] *Ленин*, Письма к родным, стр. 31.

мая. А когда откроется навигация, — можно будет на пароходе доехать до Минусинска» [1].

31 марта 1897 г. иркутский генерал-губернатор прислал енисейскому губернатору телеграмму: «Ульянов подлежит водворению Минусинском округе. Подробности почтой» [2].

Енисейскому губернскому тюремному инспектору 10 апреля было подробно сообщено, в какие места Восточной Сибири ссылаются Ленин и его товарищи по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса».

В отношении енисейского губернатора говорилось:

«Г. иркутский генерал-губернатор в предложении от 24 марта, за № 2162, сообщил мне, что государь император, по всеподданнейшему министра юстиции докладу обстоятельств дела о бывших студентах С.-Петербургского технологического института из крестьян Петре Кузьмине Запорожце и сыне чиновника Анатолии Александрове Ванееве, инженер-технологах Глебе Максимилианове Кржижановском и Василии Васильеве Старкове, лекаре из виленских мещан Якове Меерове Лейбове Ляховском, помощнике присяжного поверенного, сыне чиновника Владимире Ильине Ульянове, быв. студенте С.-Петербургского университета потомственном почётном гражданине Юлии Иосифове Цедербауме и отставном губернском секретаре, сыне священника Пантелеймоне Николаеве Лепешинском, обвиняемых в государственном преступлении, в 29 день января 1897 г. высочайше повелеть соизволил разрешить настоящее дознание административным порядком с тем, чтобы выслать названных лиц в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции первого на пять лет, а прочих на три года каждого.

Из поименованных ссыльных его высокопревосходительство назначил на жительство Ванеева и Цедербаума — в г. Туруханск, Лепешинского — в село Казачинское Енисейского округа, Кржижановского, Старкова и Ульянова в Минусинский округ (кроме г. Минусинска). Запорожец и Ляховский подлежат отправлению в ведение г. иркутского губернатора...

[1] *Ленин,* Письма к родным, стр. 31—32.
[2] «Пролетарская революция» № 11—12 за 1928 г., стр. 231.

О времени прибытия и учреждения надзора, вы, по получении об этом донесений от исправников и пристава, немедленно мне сообщите, а также уведомьте и г. начальника Енисейского губ. жандармского управления» [1].

К этому времени произошла любопытная переписка по поводу Ленина между полицейскими ведомствами. Ленин получил разрешение следовать из Красноярска в Иркутск на свой собственный счёт, но его фамилия из списка очередной партии ссыльных, направляемых на казённый счёт, не была исключена. Это привело к тому, что Ленина, который находился в Красноярске и ждал отъезда в Минусинский округ, сочли пропавшим, и начались его розыски в Иркутске.

5 апреля 1897 г. енисейский тюремный инспектор сообщил в Енисейское жандармское управление:

«Из списка, присланного инспектором по пересылке арестантов в Восточной Сибири на политических, имеющих прибыть в шести партиях с 25 марта по 29 апреля с. г., не значится государственного преступника, помощника присяжного поверенного, сына чиновника, Владимира Ульянова» [2].

Енисейский вице-губернатор в этот день, 5 апреля, по телеграфу сообщил иркутскому генерал-губернатору, что если В. И. Ульянов находится в Иркутске, то нужно объявить ему, что местом его жительства назначен Минусинский округ.

11 апреля 1897 г. енисейский губернатор предписывает красноярскому полицмейстеру впредь до отправки к месту назначения учредить полицейский надзор за Владимиром Ульяновым, прибывшим в Красноярск и подлежащим отправлению на жительство под гласный надзор полиции в Минусинский округ.

Красноярский полицмейстер поручил надзирателю за политическими ссыльными казачьему уряднику Ивану Кузьмину разыскать «ссыльного Ульянова», внести его в специальную книгу поднадзорных и установить за ним соответствующее наблюдение [3].

Иван Кузьмин, много лет наблюдавший за ссыльными, знал, где нужно разыскивать вновь прибывшего. Он

[1] «Пролетарская революция» № 11—12 за 1928 г., стр. 236—237.
[2] Там же, стр. 235.
[3] Дело № 61/170 Енисейского губернского управления, л. 32.

пошёл на Большекаченскую улицу в дом Поповой и там застал Ленина. И изо дня в день, в определённые вечерние часы, с папкой подмышкой, где должен был расписываться Ленин, он навещал дом Поповой. К сожалению, папка Кузьмина, где в числе других фамилий ссыльных была и фамилия Ленина, не сохранилась: архив красноярской полиции был уничтожен в период гражданской войны.

Учредив надзор за Лениным, красноярский полицмейстер 17 апреля 1897 г. донёс об этом енисейскому губернскому тюремному инспектору.

Енисейский губернский тюремный инспектор, получив от красноярского полицмейстера сведения о Ленине, наложил на донесении резолюцию: «Весьма нужное дело. В село Шушенское Минусинского округа. Доложить г. губернатору, можно ли выдать проходное свидетельство».

Тюремный инспектор готов был тотчас же выслать Ленина из Красноярска этапным порядком в Ачинск и из Ачинска — трактом в Минусинск. Но Ленин, желая избежать утомительного пути по этапу да ещё в весеннюю распутицу, исходатайствовал у губернатора разрешение выехать в Минусинск первым пароходом, как только откроется навигация на Енисее.

Приближалось время отъезда из Красноярска в Минусинск. Ленин продолжал усиленно заниматься в юдинской библиотеке. В письме к сестре Анне Ильиничне он просил найти нужные книги в Москве и пересылать их в Шушенское, а также просил выписать ему периодические издания, как, например, «Русские Ведомости», журналы «Русское Богатство», «Вестник Финансов».

Много хлопот доставляла Ленину предстоящая поездка. Нужно было запастись всем необходимым для дальнейших занятий, условиться с Ванеевым о связи, помочь Старкову и Кржижановскому, назначенным в ссылку в село Тесинское, добиться разрешения ехать в Минусинск на свой счёт.

Наконец, 23 апреля 1897 г. Ленину сообщили, что ему надлежит на следующий день явиться в полицейское управление за проходным свидетельством. 24 апреля Ленин направился в полицейскую часть, где ему впервые официально объявили о назначенном месте ссылки, вручили проходное свидетельство и обязали подпиской с пер-

вым отходящим пароходом выехать из Красноярска в Минусинск в распоряжение исправника.

30 апреля в Минусинск шёл первый товаро-пассажирский пароход «Св. Николай». Это был большой по тому времени колёсный пароход, на котором можно было получить каюту. Ленин был обрадован тем, что у него будут попутчики—В. В. Старков и Г. М. Кржижановский, получившие, наконец, разрешение ехать без конвоя на собственный счёт.

Настал день отъезда — 30 апреля 1897 г. Закончены все приготовления, билет куплен, вещи отправлены на пристань. Ленин, тепло распрощавшись с гостеприимной хозяйкой К. Г. Поповой, вместе с провожающим его А. А. Ванеевым направился на пристань и уехал из Красноярска через Минусинск к месту ссылки — в село Шушенское.

6 мая Ленин и его товарищи по ссылке — В. В. Старков и Г. М. Кржижановский — прибыли в Минусинск.

Окружённый сосновым бором, Минусинск стоит на левом берегу протока Енисея. Минусинск — административный и торговый центр обширного края, включавшего в себя южную часть Енисейской губернии с Хакассией и Усинским пограничным округом.

В Минусинске было много купцов, промышлявших скупкой у крестьян хлеба, мяса, масла, шерсти, кож. Вся промышленность города заключалась в кустарных мастерских по выработке овчин, шуб и валенок.

На другой день после прибытия в Минусинск Ленин писал матери: «Приехали мы сюда, дорогая мамочка, только вчера. Завтра собираемся ехать в свои сёла, и я хотел было поподробнее написать тебе о путешествии сюда, которое оказалось очень дорогим и очень неудобным (так что ехать сюда совсем уже не резон)...»[1].

В полиции существовал свой принцип расселения ссыльных. Стремясь изолировать народников от крестьян, их водворяли в города, а социал-демократов, наоборот, размещали по сёлам, где нет рабочих. Этим и объясняется, что к приезду Ленина в Минусинск среди политических ссыльных преобладали народники. Здесь

[1] *Ленин*, Письма к родным, стр. 39.

отбывали ссылку: А. В. Тырков за участие в организации партии «Народная воля», Н. С. Тютчев и Е. К. Яковлев за принадлежность к партии «Народного права», С. И. Мельников — народоволец, М. Л. Стояновский — народник и др.

Из социал-демократов в Минусинске находился один лишь С. Г. Райчин, тесно связанный с плехановской группой «Освобождение труда».

На следующий день после приезда в Минусинск Ленин явился в уездное полицейское управление к исправнику для предъявления проходного свидетельства. Исправник предложил Ленину немедленно выехать в село Шушенское.

О прибытии Ленина в Минусинск полицейское управление поставило в известность помощника начальника Енисейского губернского жандармского управления в Минусинском округе, который осуществлял общее наблюдение за поведением политических ссыльных.

О пребывании Ленина в Минусинске и учреждении над ним полицейского надзора минусинский окружной исправник 8 мая 1897 г. сообщил енисейскому губернскому тюремному инспектору: «Вследствие предложения от 22 апреля за № 46 имею честь сообщить вашему высокородию, что административно-высланный за государственное преступление помощник присяжного поверенного Владимир Ильин Ульянов прибыл в Минусинск 6 сего мая и тогда же за ним учреждён гласный полицейский надзор; на-днях Ульянов будет водворён в с. Шушенское и об учреждении там за ним надзора одновременно с сим поручено земскому заседателю 3 уч. Минусинского округа» [1].

Двухдневное пребывание в Минусинске Ленин использовал для ознакомления с единственным в крае культурным учреждением — местным музеем. Основатель его — Николай Михайлович Мартьянов — чутко относился к политическим ссыльным. Музей славился богатством археологических коллекций, отражающих древнейший период жизни народов, населявших долину южного Енисея. При музее оказалась солидная библиотека с большим подбором книг по экономике, истории, этнографии Сибири.

[1] «Пролетарская революция» № 11—12 за 1928 г., стр. 243—244.

Ленин был зачислен читателем библиотеки: В библиотеку он обращался за книгами по философии, за статистическими сборниками и произведениями русских классиков художественной литературы.

8 мая 1897 г. Ленин, сопровождаемый двумя жандармами, выехал в село Шушенское к месту своего постоянного жительства в ссылке.

V

Село Шушенское ведёт свою историю со времён заселения русскими долины южного Енисея. Оно издавна было известно как место поселения политических ссыльных. Здесь отбывали ссылку декабристы, известный революционер-утопист Петрашевский. В Шушенское высылались народники, участники польского восстания и в 90-х годах социал-демократы. Сюда был сослан и Ленин.

Департамент полиции потребовал от енисейского губернатора срочно сообщить о том, где и в каком месте водворён Ульянов. Енисейский губернатор немедленно донёс департаменту полиции, «что политический административно-ссыльный Владимир Ульянов прибыл в назначенное ему место жительства — село Шушенское, Минусинского округа, 8 мая с. г., и тогда же учреждён за ним надлежащий гласный надзор полиции сроком на три года» [1].

Срок ссылки исчислялся со дня объявления приговора. До водворения в Шушенском три месяца прошло в дороге, и Ленину предстояло пробыть здесь 2 года 9 месяцев.

С прибытием Ленина в Шушенское в канцеляриях Енисейской губернии было заведено шесть дел «о поднадзорном Владимире Ильине Ульянове». Во всех этих «делах» отражалось пребывание Ленина в шушенской ссылке.

Полицейские власти все ещё беспокоились о том, прибыл ли к месту своей ссылки Ленин, и опять завязалась бесконечная переписка.

Управляющий канцелярией иркутского губернатора телеграммой в Красноярск просил сообщить, «когда

[1] «Красный архив», т. 62, стр. 122.

прибыл административный Ульянов, выехавший из Москвы 24 февраля по проходному свидетельству, когда отправлен к месту назначения» [1].

Енисейский вице-губернатор предложил красноярскому полицмейстеру сообщить, «когда именно прибыл в Красноярск политический административно-ссыльный Владимир Ульянов и когда (месяц и число) отправлен из Красноярска к месту назначения в Минусинский округ» [2].

Красноярский полицмейстер отвечал в Енисейское губернское управление, что Ленин прибыл в Красноярск в начале апреля 1897 г., «но которого именно числа, сведений нет, так как Ульянов о времени прибытия заявлял не полицейскому управлению, а господину начальнику губернии; из Красноярска же выбыл к месту ссылки (село Шушенское Минусинского округа) 30 минувшего апреля» [3].

В 90-х годах Шушенское было унылым, нищенским селом; вместе с прилегающими к нему четырьмя посёлками оно имело 19 тысяч десятин земли, из них засевалось не более 2 500, а остальная земля была под покосами, выгонами, лесными зарослями, болотами и неудобными землями.

Земля не была поделена между крестьянами по душам, а захватывалась самовольно желающими её распахивать. Бедняки имели 1—2 десятины пахотной земли на хозяйство, середняки — 4—6, а владения отдельных кулацких хозяйств достигали 50—100 десятин распаханной земли. Основная масса крестьян была ограблена кулаками. Кулак определялся не только по количеству посева, в ряде случаев он имел ещё молотилку и другие сельскохозяйственные машины, маслобойку, кожевенную или пимокатную мастерскую.

Самые лучшие, урожайные и удобные земли, ровные по рельефу, расположенные сплошным массивом и близко лежащие к селу, захватывались кулаками. Беднякам и середнякам приходилось пользоваться худшими землями, расположенными в различных местах и далеко от села. Земли, которыми пользовались середняки и бедняки, назывались «пески».

[1] «Пролетарская революция» № 11—12 за 1928 г., стр. 246.
[2] Там же, стр. 247.
[3] Там же.

Ленин в своём произведении «Развитие капитализма в России» использовал данные о землепользовании в Енисейской губернии, дав яркую характеристику положения сибирского крестьянства, в том числе и крестьян села Шушенского.

Ссылаясь на «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний», Ленин писал:

«Весьма интересно наблюдать, что отношения зажиточного сибиряка к поселенцу (а в этих отношениях вряд ли бы и самый ярый народник решился искать пресловутой общинности!) — в сущности совершенно тождественны с отношениями наших зажиточных общинников к их безлошадным и однолошадным «собратам». Соединяя вместе поселенцев и крестьян-старожилов (такое соединение необходимо потому, что первые служат рабочей силой для вторых), мы получаем знакомые черты высших и низших групп. У 39,4% дворов низших групп (безлошадных, с 1 и 2 лошадьми), при 24% населения, лишь 6,2% всей запашки и 7,1% всего скота, тогда как у 36,4% дворов с 5 и более лошадей, при 51,2% населения, — 73% запашки и 74,5% всего скота. Последние группы (5—9, 10 и более лошадей), при 15—36 дес. запашки на 1 двор, прибегают в широких размерах к наёмному труду (30—70% хозяйств с наёмными рабочими), тогда как три низшие группы, при 0—0,2—3—5 дес. запашки на 1 двор, *отпускают* рабочих (20—35—59% хозяйств)» [1].

Сельская «интеллигенция» в Шушенском состояла в то время из двух учителей, попа, волостного писаря и лавочников. По своему образу жизни они мало чем отличались от заправил села — кулаков, — такое же пьянство, карточная игра.

Н. К. Крупская в своих воспоминаниях пишет: «Владимир Ильич рассказывал, что он пробовал завести знакомство с учителем, но ничего не вышло. Учитель тянул к местной аристократии: попу, паре лавочников. Дулись они в карты и выпивали. К общественным вопросам интереса у учителя никакого не было» [2].

Таковы были жизнь и обычаи в старой дореволюционной Шуше.

[1] *Ленин,* Соч., т. III, стр. 84—85.
[2] *Н. Крупская,* Воспоминания о Ленине, стр. 27.

По просьбе своей сестры Марии Ильиничны Ульяновой Ленин 17 июля 1897 г. дал подробное описание села: «Село большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных — всё как быть следует. Стоит в степи — садов и вообще растительности нет. Окружено село... навозом, который здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом, так что для того, чтобы выйти из села, надо всегда почти пройти через некоторое количество навоза. У самого села речёнка Шушь, теперь совсем обмелевшая. Верстах в 1—1½ от села (точнее, от *меня:* село длинное) Шушь впадает в Енисей, который образует здесь массу островов и протоков, так что к главному руслу Енисея подхода нет. Купаюсь я в самом большом протоке, который теперь тоже сильно мелеет. С другой стороны (противоположной реке Шушь) верстах в 1½ — «бор», как торжественно называют крестьяне, а на самом деле преплохонький, сильно повырубленный лесишко, в котором нет даже настоящей тени (зато много клубники!) и который не имеет ничего общего с Сибирской тайгой, о которой я пока только слыхал, но не бывал в ней (она отсюда не менее 30—40 вёрст). Горы... на счёт этих гор я выразился очень неточно, ибо горы отсюда лежат верстах в 50, так что (на) них можно только глядеть, когда облака не закрывают их... точь в точь как из Женевы можно глядеть на Монблан» [1].

*

Ленин поселился на земской квартире у Аполлона Долмантьевича Зырянова. Квартирант понравился хозяевам, и они уступили ему отдельную комнату, в которой поставили деревянную кровать, стол, четыре стула и сделали полки для книг. На этой квартире Ленин прожил свыше года, до приезда Н. К. Крупской.

Из местных крестьян близкими знакомыми Ленина были Журавлёв, бывший писарь, и Иван Осипатыч Ермолаев.

О Журавлёве Ленин говорил, что он по природе своей революционер, протестант, не мирился ни с какой несправедливостью и смело выступал против богатеев.

Иван Осипатыч Ермолаев, или, как его просто все на-

[1] *Ленин*, Письма к родным, стр. 56—57.

зывали, Сосипатыч, происходил из бедных крестьян. Он очень полюбил Ленина и часто приносил ему бесхитростные подарки: то журавля, то кедровых шишек, то букет полевых цветов, ходил с ним на охоту.

Н. К. Крупская писала: «Через Сосипатыча, через Журавлёва Владимир Ильич изучал сибирскую деревню. Он мне рассказывал как-то об одном своём разговоре с зажиточным мужиком, у которого он жил. У того батрак украл кожу. Мужик накрыл его у ручья и прикончил. Говорил Ильич по этому поводу о беспощадной жестокости мелкого собственника, о беспощадной эксплоатации им батраков. И, правда, как каторжные, работали сибирские батраки, отсыпаясь только по праздникам» [1].

В Шушенском, кроме Ленина, отбывали ссылку двое рабочих: лодзинский социал-демократ поляк Проминский с женой и шестью ребятами и путиловский рабочий Оскар Энгберг, финн по национальности. Они часто бывали у Ленина. С ними он ходил на охоту. В письме к матери М. А. Ульяновой Ленин писал:

«Охотой я всё ещё продолжаю заниматься. Теперь охота гораздо менее успешна (на зайцев, тетеревов, куропаток — новая ещё для меня охота, и я потому должен ещё привыкнуть), но не менее приятна. Как только выверне́тся хороший осенний денёк (а они здесь нынешний год не редки), так я беру ружьё и отправляюсь бродить по лесу и по полям. Ходим большей частью вместе с Проминским; беру хозяйскую собаку, которую я приучил ходить с собой и которая имеет некоторые (небольшие, правда) охотничьи способности. Завёл себе свою собаку — взял щенка у одного здешнего знакомого, и надеюсь к будущему лету вырастить и воспитать его: не знаю только, хороша ли выйдет собака, будет ли чутьё.— Распознавать это я не умею, а по происхождению моего «Пегаса» составить вполне определённого мнения о его качествах нельзя. Купленная всем нам в Спбурге ватная куртка чрезвычайно удобна для охоты и я не могу нахвалиться ею. Вообще же насчёт туалета зимнего и прочего (о чём ты спрашиваешь) должен сказать, что у меня всего предостаточно» [2].

Аполлон Долмантьевич Зырянов, хозяин квартиры, в

[1] *Н. Крупская,* Воспоминания о Ленине, стр. 28.
[2] *Ленин,* Письма к родным, стр. 63—64.

которой Ленин прожил 14 месяцев, в своих воспоминаниях (апрель 1941 г.) рассказывает:

«В ту пору я часто ходил на охоту и всегда приносил много дичи. Когда я приходил с охоты домой, Владимир Ильич, рассматривая убитую мной дичь, расспрашивал, как мне удаётся столько много добывать. Я ему говорил, что ничего удивительного в этом нет: дичи в окрестностях Шушенского полно, только, знай, стреляй.

И вот однажды, вскоре после того как Владимир Ильич стал у нас жить, я собирался на охоту. Увидя мои сборы, Ильич говорит:

— А можно и мне с вами сходить, посмотреть, как вы охотитесь?

Я ответил:

— А почему нельзя, пойдёмте!

Пошли мы с Владимиром Ильичём охотиться, на этот раз по берегу речки Шушь, с одним моим пистонным ружьём. Я дал Ильичу из него один раз выстрелить в утку, но попервости у Владимира Ильича ничего не вышло, — так утки и не убил.

В этот раз я посоветовал Владимиру Ильичу купить берданное ружьё. Вскорости он купил себе старенькую берданку за восемь рублей, и с той поры мы с ним стали уже чаще ходить на охоту.

Охотились мы попервости по берегу речки Шушь на уток, а когда Владимир Ильич завёл себе полуболотные сапоги (до этого он ходил на охоту в ботинках), то стали ходить и на озёра.

Владимир Ильич страсть как стал увлекаться охотой. Когда я находился на пашне или был занят по хозяйству, он отправлялся на охоту один. И, надо сказать, часто возвращался с богатой добычей. Потом Владимир Ильич познакомился с местным крестьянином бедняком Сосипатычем и с ним вместе ходил охотиться. Летом Ильич охотился на уток и дупелей, а зимой — на куропаток.

С охоты Владимир Ильич приходил всегда усталый, но весёлый и довольный своей добычей. Много Ильич рассказывал мне и своему товарищу, тоже политическому ссыльному, Оскару Александровичу Энгбергу о том, как охотился, где побывал и что интересного встретил».

Ленин любил также рыбачить.

Семён Кондратьевич Желтов, в то время крестьянин-бедняк, сейчас колхозник, который ездил с Лениным на рыбалку, рассказывал:

«Как-то Владимир Ильич говорит мне, что хочет поехать со мной порыбачить. Я пригласил его. Приехали мы на озеро. Владимир Ильич сел в корыто и поехал в нём по озеру, а корыто-то и перевернулось, он и вывернулся в озеро, но не испугался, не растерялся, — шустрый был такой, — обнял корыто и кричит мне:

— Подай жердь!

Я подал Ильичу жердь и подтащил его к берегу.

— Ну, — говорит Владимир Ильич, — плохое корыто, надо настоящую лодку сделать.

Тогда я взял два брёвешка, аршина по три, выдолбил их, спарил и в середину брёвешко подпихал. Получилась лодка. Владимир Ильич посмотрел, пошутил над моим изделием и плошкотом мою лодку назвал. На этом плошкоте мы и рыбачили с ним. Владимир Ильич всё говорил: «Теперь плошкот у нас хороший, давай, Желтов, морды ставить», а больше удочками рыбу ловил. Много мы рыбы ловили в то время, только Ильич себе мало брал, всё мне отдавал».

*

Под всевозможными предлогами Ленин старался побывать в Минусинске, куда съезжались ссыльные социал-демократы из окружающих сёл.

О поездке в Минусинск Ленин писал матери:

«Расскажу поподробнее о своей поездке. В Минусинске я пробыл только два дня, всё время прошло в беготне по лавкам, в хлопотах по делу Базиля [1] (написали мы с ним жалобу на приговор Мирового Судьи, и сам сей судья признал, что его приговор слишком суров. Посмотрим, чем решит 2-ая инстанция), в посещении знакомых. Политиков теперь в Минусинске довольно много: Тырков А. В. (по делу 1 марта 1881 г.), Тютчев Н. С. и Яковлев Е. К. (народоправцы), Мельников (народоволец), Блажневский (польский рабочий), Райчин С. Гр. (наиболее близкий мой знакомый; товарищ и по направлению), Кон Ф. Я. (поляк-интеллигент; отбыл ка-

[1] Старков В. В. — *Ред.*

торгу), Стояновский (по делу Гинзбург; отбыл каторгу). Повидал их почти всех. Думаю, что в зиму удастся ещё раз съездить. Такие временные наезды, пожалуй, даже лучше, чем жизнь в Минусинске, который меня не тянет» [1].

На каждый выезд из Шуши требовалось разрешение минусинского исправника, а его не всегда можно было получить. Приходилось самовольно отлучаться из Шушенского в Минусинск. За одну самовольную отлучку «без разрешения начальства» минусинский окружной исправник сделал Ленину «внушение» и 7 января 1898 г. донёс об этом в рапорте енисейскому губернатору.

«Имею честь донести вашему превосходительству, что находящийся в с. Шушенском под гласным надзором полиции административно-ссыльный Владимир Ильич Ульянов в ноябре месяце 1897 года позволил себе самовольно отлучиться в г. Минусинск до получения просимого на это разрешения. Рассмотрев обстоятельство это по постановлению от 31 декабря, я на первый раз сделал Ульянову за самовольную отлучку внушение» [2].

Об этой поездке Ленина в Минусинск без разрешения начальства хозяин его квартиры А. Д. Зырянов в своих воспоминаниях (апрель 1941 г.) рассказывает так:

«Однажды уже под вечер Владимир Ильич и говорит:

— Сегодня мне нужно обязательно съездить ненадолго в Минусинск.

Я спросил Ильича:

— А разрешение на поездку от исправника есть?

— Нет, — отвечает он, — разрешение не взял, а ехать необходимо.

— Ну что ж, говорю, нет и не надо, без разрешения тогда как-нибудь управимся.

Только выехали мы в тот вечер из Шушенского, а к нам в дом надзиратель Заусаев нагрянул да и спрашивает мою мать:

— Где политический?

Она, мать-то, с перепугу возьми и скажи надзирателю:

— Политический с сыном в город уехали.

Надзиратель перепугался, верно, думал, что раз Владимир Ильич без разрешения в Минусинск уехал, —

[1] *Ленин,* Письма к родным, стр. 64.
[2] По материалам Шушенского музея Ленина.

значит убегать из ссылки направился. Ну, и снарядил вслед за нами нарочного с пакетом на имя минусинского исправника.

Всё это потом надзиратель сам мне рассказывал. Мне, говорит он, и так за самовольные отлучки политического от исправника попадало, а тут, думаю, сбежит — не миновать мне тюрьмы.

А мы с Владимиром Ильичём в ту поездку совсем малость в городе задержались. Он только к одному товарищу на часок забежал. Поздно вечером уехали, а ночью уже дома в Шушенском были.

Воротились мы в Шушенское. С час времени, не больше, прошло, как к нам в дом из города нагрянули четыре жандарма. Владимир Ильич их первый в окошко увидал, когда они к дому подходили, вышел из своей комнатки в горницу и говорит мне:

— Ну что, Аполлон Долмантьевич, сухари есть? «Гости» за нами приехали.

А я говорю:

— В тюрьму — так в тюрьму, только ведь вместе ездили, вместе и в тюрьму пойдём.

А он смеётся.

— Нет, ты их в дом не пускай, спроси, что нужно.

Вышел я на крыльцо. Старший жандарм подошёл ко мне да как гаркнет:

— Политический дома?

— Дома, — отвечаю.

— Можно к нему войти?

Я говорю:

— Пойду спрошу. Если разрешит — войдите.

Мне такое предписание дал надзиратель Заусаев, что жандармов без него можно не пускать. Ну, я и не пускал.

Пошёл я к Владимиру Ильичу спрашивать, можно ли пускать незваных «гостей». Только открыл в избу дверь, а Ильич мне суёт маленькую записочку, на четвертушке написанную, на, говорит, передай им, т. е. жандармам.

Передал я записочку старшему жандарму, а сам стою на крыльце, смотрю, что будет. Взял жандарм записочку, читать стал, потом передал другому, тот стал читать. И так они все записку по очереди перечитали. Только не знаю, поняли ли что: уж больно мелко она была написана. Однако постояли-постояли жандармы во дворе, да и ушли не солоно хлебавши».

Нелегко жилось Ленину в дикой непробудной глуши Шушенской ссылки. Оторванный от товарищей и соратников по борьбе, лишённый возможности заниматься непосредственной революционной работой, Ленин пережил в ссылке много тяжёлых дней и месяцев. «Я в первое время своей ссылки, — писал Ленин в одном из писем Марии Ильиничне, — решил даже не брать в руки карты Европейской России и Европы: такая, бывало, горечь возьмёт, когда развернёшь эти карты и начнёшь рассматривать на них разные чёрные точки...» [1]

Но ссылка со всеми её невзгодами не могла сломить великой жизненной силы Ленина, его бодрости, неукротимой жажды борьбы и деятельности. В сибирской глуши он продолжает серьёзную работу, начатую в петербургский период жизни.

Ленин пишет ряд выдающихся произведений, читает много книг по самым разнообразным вопросам, перечитывает произведения Маркса и Энгельса и знакомится с новинками марксистской литературы на иностранных языках, ведёт обширную переписку с социал-демократами в России, с группой «Освобождение труда», с ссыльными товарищами. Вопросы философии, политики и экономики, рабочего движения, партийной работы, планы на будущее целиком заполняют Ленина в сибирский период его деятельности.

Осенью 1897 г. Ленин закончил брошюру «Новый фабричный закон» и приложение к ней. Брошюра предназначалась для нелегальной печати и была издана в Женеве в 1899 г. группой «Освобождение труда», а затем нелегально пересылалась в Россию.

В этой брошюре Ленин доказал, что закон царского правительства от 2 июня 1897 г. о сокращении рабочего дня до $11^1/_2$ часов появился в результате массовых стачек петербургских рабочих, организованных «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

«Петербургские рабочие, — писал Ленин, — давно уже ждали этого закона, который правительство обещало ещё в 1896 году, напуганное массовой стачкой рабочих весной 1896 г. Вслед за этой массовой стачкой рабочих

[1] *Ленин*, Письма к родным, стр. 144—145.

на бумаго-прядильных и бумаго-ткацких фабриках последовали другие стачки, и везде рабочие требовали сокращения рабочего дня. Правительство отвечало на стачки дикими преследованиями, хватало и высылало без суда массы рабочих; правительство пыталось с перепугу повлиять на рабочих глупенькими фразами о христианской любви фабрикантов к рабочим (циркуляр министра Витте фабр. инспекторам, изданный в 1895—96 г.). Но на эти фразы рабочие отвечали только смехом, и никакие преследования не могли остановить движения, охватившего десятки и сотни тысяч рабочих. Правительство поняло тогда, что необходимо уступить и исполнить хоть часть требований рабочих. Кроме зверской травли стачечников и лживо-ханжеских фраз, петербургские рабочие получили в ответ обещание правительства издать закон о сокращении рабочего дня»[1].

Ленин подробно разбирает царский фабричный закон и показывает, что капиталисты при помощи царского правительства ищут всё новые пути для эксплоатации рабочих. Что, например, по закону следует считать рабочим временем? На некоторых фабриках после звонка в субботу рабочие чистят машины, и если фабрикант ничего не платит рабочему за чистку машин, то тем самым он даром пользуется рабочим временем нанятого рабочего. Если фабрикант, нанявши рабочего по сдельной плате, отвлекает его от работы каким-нибудь сторонним делом без особой платы за это дело, то это значит, что фабрикант даром пользуется рабочим временем нанятого работника.

Ленин на конкретных примерах показал, что установленный царским правительством $11^1/_2$-часовой рабочий день является очень длинным и для многих рабочих никакого сокращения рабочего времени не приносит. Даже петербургские фабриканты считали возможным сократить рабочий день до 11 часов. «Русское правительство, хвастливо заявляющее о своей заботливости к рабочим, оказалось на деле прижимистым, как мелкий торгаш. Оно оказалось более прижимистым, чем сами фабриканты, выбивающие с рабочих лишние тысячи из каждого лишнего получасика работы. На этом примере рабочие ясно могут видеть, как правительство не

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 129.

только защищает интересы фабрикантов, но притом интересы *худших* фабрикантов; как правительство является гораздо более злым врагом рабочих, чем класс капиталистов» [1].

Ленин призывал рабочих России сплотиться, организоваться для борьбы с хозяевами и царским правительством, втянуть в эту борьбу отсталые слои пролетариата.

Ленин показал в этой брошюре, что согласно новому фабричному закону царские министры получают много прав, позволяющих им толковать закон по-своему, изменять его по своему усмотрению и чинить произвол.

В заключение своей брошюры Ленин подчеркнул, что даже незначительные уступки царского правительства в новом фабричном законе завоёваны борьбой российского рабочего класса.

«Издание этого закона показывает *успех* рабочего движения в России, — писал Ленин, — показывает, какую громадную силу заключает в себе сознательное и стойкое требование рабочих масс. Никакие преследования, ни массовые аресты и высылки, ни грандиозные политические процессы, ни затравливания рабочих — ничто не помогло. Правительство пустило в ход все свои средства и силы... Мы видели, как незначительны, как двусмысленны эти уступки. Но ведь это только первый шаг. Рабочее движение давно уже вышло за пределы С.-Петербурга; оно развивается всё шире, охватывая всё глубже массы промышленных рабочих *во всей стране*, и когда все эти массы, руководимые одной партией социалистов, предъявят сообща свои требования, — тогда уже правительство не отделается такой ничтожной уступкой!» [2].

Из далёкой сибирской ссылки Ленин пристально следил за рабочим движением, призывал пролетариат России к организованной борьбе против царского самодержавия и зверской капиталистической эксплоатации.

*

В конце 1897 г. Ленин написал брошюру «Задачи русских социал-демократов», которая впервые была напечатана в Женеве в 1898 г.

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 134.
[2] Там же, стр. 154.

«Задачи русских социал-демократов» — важнейшее произведение марксизма. В этой брошюре Ленин обобщил опыт петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», обосновал необходимость создания революционной партии рабочего класса, изложил задачи революционной социал-демократии в России, указал на решающее значение марксистской теории для рабочей партии. Ленин в этой своей работе впервые сформулировал положение о том, что «без революционной теории не может быть и революционного движения».

Ленин разъясняет, что теоретические вопросы в основных своих чертах уже выяснены. Марксистская теория пробила себе дорогу к передовым рабочим России. Но этого нельзя сказать о политической программе и тактике социал-демократов. Здесь ещё было много неясного и недоработанного. Поэтому Ленин поставил своей задачей разъяснить и обосновать практические задачи русских революционных социал-демократов, обосновать их политическую программу и тактику.

Говоря о практической деятельности социал-демократов, Ленин указывает на необходимость соединения социалистических и демократических задач, ибо сама классовая борьба пролетариата в условиях царского самодержавия носит двоякий характер — социалистический и демократический. Пролетариат — это социалистический класс, который ставит своей конечной целью свержение капиталистического господства, победу пролетарской революции и построение социалистического общества. Социалистическая деятельность социал-демократов заключается в пропаганде в рабочем классе революционной теории Маркса и Энгельса, защите теории научного социализма от всяких «критических» поползновений на неё со стороны врагов марксизма. «Убеждённые в том, — писал Ленин, — что революционной теорией, служащей знаменем для революционного движения, может быть в настоящее время только учение научного социализма и классовой борьбы, русские социал-демократы будут всеми силами распространять его, охранять от лжетолкований, восставать против всяких попыток связать ещё молодое рабочее движение в России с менее определёнными доктринами»[1].

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 174.

Наряду с социалистическими задачами рабочего движения выдвигаются задачи демократические. Нельзя уничтожить капиталистическое рабство без уничтожения царского самодержавия и завоевания демократической республики. Демократический характер классовой борьбы пролетариата в условиях царского самодержавия заключается в том, что рабочий класс ведёт последовательную борьбу против деспотизма русского царизма, за демократические свободы.

«Практическая деятельность социал-демократов, — пишет Ленин, — ставит себе, как известно, задачей руководить классовой борьбой пролетариата и организовать эту борьбу в её обоих проявлениях: социалистическом (борьба против класса капиталистов, стремящаяся к разрушению классового строя и организации социалистического производства) и демократическом (борьба против абсолютизма, стремящаяся к завоеванию для России политической свободы и демократизации политического и общественного строя России)» [1].

С пропагандой социалистических задач социал-демократы должны обращаться главным образом и в первую очередь к рабочим. Никакой другой класс не способен вести борьбу за социализм. Буржуазия по своему существу враждебна идеям социализма. Крестьянство, хотя и многочисленный класс, в большинстве своём эксплоатируемый, является классом мелких собственников, имеющих двойственную природу, тяготеет, с одной стороны, к пролетариату и демократизму, а с другой стороны, — к реакционным классам.

Вождём, способным поднять крестьянство на борьбу с насилием и гнётом, может быть рабочий класс. Только пролетариат, связанный с крупным производством и наиболее эксплоатируемый капиталистами, наиболее организованный и сознательный, в состоянии вести самостоятельную и последовательную борьбу за социализм. «Создание прочной революционной организации среди фабрично-заводских, городских рабочих является поэтому первой и насущной задачей социал-демократии» [2].

Путь к уничтожению капитализма, к социалистическому обществу лежит через свержение царского само-

[1] *Ленин,* Соч., т. II, стр. 172.
[2] Там же, стр. 173.

державия. Поэтому задачи социал-демократов состоят и в том, чтобы всячески пропагандировать в рабочем классе демократические идеи, распространять понятие о классовой сущности самодержавия, о необходимости его свержения и помнить, что без победы над ним невозможна победа пролетариата вообще.

В борьбе против царизма, за демократические свободы у пролетариата имеются союзники. Рабочий класс должен быть политическим руководителем всех революционных и оппозиционных элементов, способных вести борьбу с царским самодержавием. «Эта поддержка не предполагает и не требует никакого компромисса с не социал-демократическими программами и принципами, это — поддержка союзника против *данного* врага, причём социал-демократы оказывают эту поддержку, чтобы ускорить падение общего врага, но они ничего не ждут *для себя* от этих временных союзников и ничего не уступают им» [1].

Поддержка оппозиционных самодержавию элементов должна выражаться в том, что «социал-демократы будут пользоваться каждым проявлением полицейского гнёта абсолютизма и указывать рабочим, как падает этот гнёт на всех русских граждан *вообще*, на представителей особо угнетённых сословий, народностей, религий, сект и т. д. в частности и как отражается этот гнёт на *рабочем классе* в особенности. Наконец, на практике эта поддержка выражается тем, что русские социал-демократы готовы заключать союзы с революционерами других направлений ради достижения тех или других частных целей, и эта готовность не раз была доказана на деле» [2].

Таким образом, в политической борьбе против абсолютизма пролетариат должен объединить вокруг себя все демократические элементы и, в частности, крестьянство, всемерно использовать все и всякие выступления оппозиционных к абсолютизму групп. Однако всегда, при всяких обстоятельствах рабочий класс является самым последовательным и до конца непримиримым борцом против абсолютизма. Для того чтобы рабочий класс выполнил свою роль передового борца за демо-

[1] *Ленин,* Соч., т. II, стр. 176.
[2] Там же, стр. 177.

кратию, необходимо выделить его как главную и самостоятельную силу в борьбе с самодержавием. Выделение рабочего класса как передового борца усилит демократическое движение за политическую свободу, ибо рабочий класс будет руководить и подталкивать все остальные демократические и оппозиционные элементы.

Эту брошюру Ленин закончил призывом создать боевую марксистскую партию российского пролетариата, зачатком которой был петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Идея гегемонии пролетариата, которую Ленин выдвинул в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894 г.), получила свою дальнейшую конкретизацию и обоснование в замечательном тактическом документе революционных социал-демократов — брошюре Ленина «Задачи русских социал-демократов».

*

«Кустарная перепись 1894/5 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности» — одна из крупных работ, написанных Лениным в 1897 г.

На разборе данных кустарной переписи и промышленности в Пермской губернии Ленин показывает, насколько глубоко проник капитализм во все отрасли хозяйства. «... Даже в такой глухой и отсталой в хозяйственном отношении губернии, как Пермская, *уже теперь преобладает* «кустарь», либо нанимающийся в наймы, либо нанимающий других, либо эксплуатирующий, либо эксплуатируемый»[1].

Народники — идеологи мелкой буржуазии — не хотели этого видеть. Они идеализировали кустарную промышленность в России, пытаясь доказать, будто кустарное производство является «народным» и носит некапиталистический характер. Народники по-своему обрабатывали статистические данные, не желая замечать и учитывать наёмных рабочих в кустарной промышленности.

Применяя марксистский анализ и к изучению кустарной промышленности, Ленин показал, что общий термин «кустарь» не годится для научного исследования, что кустарей надо разделить на две группы: имеющих

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 202—203.

земледельческое хозяйство и не имеющих его. Затем каждую из этих групп надо разделить ещё на три подгруппы: а) работающих на вольную продажу, на рынок, б) на заказчиков-потребителей и в) на заказчиков-скупщиков. Кустари первой подгруппы связаны с капиталистическим ведением хозяйства; кустари второй подгруппы являются просто ремесленниками; кустари третьей подгруппы — придаток капиталистической фабрики.

Ленин на материалах кустарной переписи показал широкое внедрение капитализма в кустарной промышленности, классовое расслоение среди кустарей и эксплоатацию, которую затушёвывали народники.

Народники пытались доказать, будто в кустарном производстве наёмный труд только восполняет семейный. «Ясно, — писал Ленин, — что факты говорят как раз обратное тому, что хочет навязать им народник: кустарь стремится именно к наживе путём кулачества; он пользуется большой зажиточностью (одним из условий которой является многосемейность) для *большего* употребления наёмного труда»[1].

Ленин привёл данные, которые показывали, что зажиточные кустари, имеющие большие семьи, с большим числом семейных рабочих, нанимали ещё помногу рабочих. «Семейная кооперация» постепенно превращается в капиталистическую кооперацию.

Используя данные кустарной переписи, Ленин показал, что среди кустарей имеется прослойка капиталистических предпринимателей. «Среди кустарей-земледельцев констатируется разложение, параллельное разложению промышленников. При этом высшие (по обеспеченности) категории земледельцев представляют из себя чистый тип крестьянской буржуазии, основывающей своё хозяйство на найме сельских батраков и подёнщиков» [2].

Народники не хотели видеть процессы капитализации кустарных промыслов, они выдумывали рецепты о насаждении всякого рода союзов между хозяевами и хозяйчиками, об «организации труда». Народники затушёвывали классовые противоречия в мелком производстве.

*

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 208.
[2] Там же, стр. 231.

Находясь в Шушенском, Ленин изучал сибирскую деревню, помогал крестьянам-беднякам в юридических вопросах и завоевал у них большую любовь.

У себя на квартире Ленин проводил по воскресным дням бесплатную юридическую консультацию. Ему удавалось в судах выигрывать дела бедных крестьян и рабочих. По делу одного рабочего, выгнанного золотопромышленником с приисков, он добился того, что суд решил вопрос в пользу рабочего, пострадавшего от произвола капиталиста.

Весть об этом быстро разнеслась по окружающим сёлам. Крестьяне за десятки километров приходили к нему за советом. Владимир Ильич Ленин слушал внимательно все детали и помогал, чем мог. К бедным он питал большую симпатию, к некоторым захаживал в гости. С богатеями и деревенской аристократией старался не иметь дела, но держал себя осторожно, чтобы не дать повода местной полиции придраться к случаю и удлинить срок ссылки или этапом сослать в более отдалённые, пустынные места.

Крестьянин-бедняк Андрей Прокопьевич Родин (теперь колхозник колхоза им. Крупской села Шушенского) в своих воспоминаниях рассказывает:

«Довелось мне видеть и разговаривать с Владимиром Ильичём, когда он жил в Шушенском. Дело было так.

В селе нашем проживал в то время богатый купец Симон Ермолаев; хозяйство у него было большое. Одного рогатого скота имел больше ста голов. Пастух свой был. И прорвись как-то ермолаевское стадо через поскотину бедняка Проникова на полосу крепкого мужика Зацепина. А там хлеб стоял в суслонах. Ну и, ясное дело, с кого-то надо было Зацепину получить за потраву. А поскотину-то коровы разломали как раз в том месте, где мой тесть городил. Раньше такой порядок был: выгона для скота отгораживались от лугов и пашен поскотиной, и каждому хозяину приходилось загораживать определённый участок.

Ну, что ж, богатый с богатым судиться не будет: скот ихний, хлеб — тоже, всё, почитай, было ихним. Кого винить? Зацепин подаёт в суд на моего тестя Проникова. Суд присудил взыскать с моего тестя в пользу истца что-то рублей 50 деньгами да сколько-то хлебом.

Обидно стало старику. Пошёл к Строганову (он возил ему товары с минусинской пристани) и высказал свою обиду. Тот выслушал, подумал-подумал и сказал:

— Погоди, я у Владимира Ильича спрошу. Он тебе бумагу напишет...

Через день-другой Строганов говорит тестю:

— Иди к Ульянову. Он пообещал написать прошение в суд.

Тесть пошёл. Владимир Ильич выслушал его, попросил подыскать грамотного человека и с ним притти к нему. Сказал, что самому ему писать нельзя, только продиктовать может, чтобы в суде не узнали, кто составлял прошение.

Пошли мы двое к Владимиру Ильичу. Провёл он нас в комнату, усадил, дал мне бумагу, карандаш, и начали мы писать. Он ходит взад и вперёд по комнате и диктует, а я пишу. Записал я всё, что он говорил, он бумагу перечитал, почёркал-почёркал, поправил и сказал:

— Теперь перепишите всё это начисто, да так, чтобы дома вам никто не помешал, и подавайте в суд.

Показал, как озаглавить прошение, растолковал, куда и к кому обращаться, и мы вышли.

Подал мой тесть прошение на пересуд, и остался Зацепин непричём. На этот раз суд ему ответил: «Оставить без последствия»».

*

В конце 1897 г. Ленин написал статью «Перлы народнического прожектёрства» по поводу изданного в то время сборника статей народника-публициста С. Н. Южакова, в разное время печатавшихся в «Русском Богатстве».

Из всех прожектёрских статей народника Южакова Ленин выделяет две его статьи: «Реформа средней школы» и «Вопрос всенародного обучения», так как «эти статьи затрагивают действительно принципиальные вопросы и представляются особенно характерными для освещения излюбленных идей «Русского Богатства»».

Народник Южаков говорил, что средняя школа служит определённым классовым интересам, и вместе с тем полагал, что школьное образование может итти на благо и пользу государства, всех общественных классов, нации и самого образуемого индивида. По этому поводу

Ленин замечает: «Начинается путаница: приходится заключить, что общество, расчленённое на классы, совместимо с неклассовым государством, с неклассовой нацией, с стоящими вне классов индивидами» [1].

Южаков во имя лучшей постановки среднего обучения требовал отказа от классовой школы, которая якобы «противоречит интересам государства, науки и образуемых личностей».

Ленин останавливается на различии между школой сословной и школой классовой. Приведя ряд путаных положений Южакова, Ленин пишет: «Тут верно указано *одно* из отличий класса от сословия, именно, что классы отличаются один от другого не юридическими привилегиями, а фактическими условиями, что, следовательно, классы современного общества предполагают *юридическое равенство*» [2].

Указывая, что рост капиталистических отношений дробит русскую нацию не на сословия, а на классы, Ленин продолжал:

«Всё это яснее ясного показывает, что, несмотря на многообещающее заглавие, несмотря на велеречивые фразы, г. Южаков совершенно не понял, в чём сущность классовой школы. Сущность эта, почтеннейший г. народник, состоит в том, что образование одинаково организовано и одинаково доступно для всех *имущих*. Только в этом последнем слове и заключается сущность классовой школы в отличие от школы сословной» [3].

Ленин показал, что «широкая точка зрения» и «широкие разглагольствования» мелкого буржуа Южакова о замене классовой школы общесословной исходят из непонимания народниками того, что «смена сословной школы классовою есть лишь одно из звеньев в процессе общей и всесторонней европеизации России» [4].

Другая статья Южакова, в которой рассматриваются вопросы всенародного обучения, называлась «Просветительная утопия. План всенародного обязательного среднего образования».

Этот «план» состоял в том, чтобы с гимназическим

[1] *Ленин,* Соч., т. II, стр. 280.
[2] Там же, стр. 281.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 284.

образованием соединить производительный труд «гимназистов», которые сами себя содержат. Южаков писал: «...Обработка участка земли... обеспечивает обильное, вкусное и здоровое продовольствие всего молодого поколения от рождения до окончания курса гимназии, а также продовольствие молодёжи, отрабатывающей цену учения..., и всего персонала администраторов, преподавателей и хозяев»[1].

Южаков убеждал читателей, что его «план» является только с первого взгляда «утопией», на деле же он вполне реален. По этому поводу Ленин писал: «Много было на свете утопистов, соперничавших заманчивостью, стройностью своих утопий — но вряд ли найдётся среди них хоть один, столь внимательный к «установившимся учебным планам» и к вознаграждению преподавательского персонала. Мы уверены, что потомство долго ещё будет указывать на г-на Южакова, как на истинно практичного и истинно деловитого «утописта»» [2].

По плану народника Южакова соединение гимназического образования с производительным трудом предназначалось не для всех «гимназистов». Обязательным физический труд был только для несостоятельных, трудиться должен только бедный, а состоятельный вносит плату за обучение. Таким образом, буржуазный характер «утопии» народника Южакова не подлежал сомнению, — «средняя школа по «плану» г-на Южакова *остаётся классовой школой*. И это после всех тех пышных фраз, которые извергал г. Южаков «против» классовой школы в своей первой статье!!»[3]. Буржуазный характер этой «просветительной утопии» Южакова сказывался и в том, что «гимназии» должны были производить продукты на рынок, следовательно законам рынка будут подчиняться и «гимназии».

Но наряду с буржуазной чертой в «плане» Южакова имелась и крепостническая черта — отработка земли несостоятельными взамен внесения платы за обучение. «Крепостнической чертой в «плане» г-на Южакова,— писал Ленин, — являются отработки несостоятельных за учение... Отработки — хозяйственная сущность крепостного строя. В капиталистическом строе несостоятель-

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 286.
[2] Там же, стр. 288.
[3] Там же, стр. 295.

ный человек должен продать свою рабочую силу, чтобы купить средства к жизни. В крепостном строе несостоятельный должен отработать те средства к жизни, которые он получил от помещика»[1].

На критическом разборе «плана» Южакова Ленин показал принципиальное отличие марксистов от народников. В то время как марксисты (по цензурным соображениям — «ученики») настаивали на необходимости отмены всех пережитков старины, народники на деле защищали отсталые формы хозяйства и отсталые формы общественных отношений. Поэтому совсем не случайно народники (Михайловский и др.) выступали против ухода крестьян в города на фабрики и заводы, считали, что вредно отвлекать население от земледелия, выступали против рабочего класса, вырастающего вместе с ростом капитализма.

Статью «Перлы народнического прожектёрства» Ленин сначала предполагал поместить в журнале «Новое Слово», но царские власти закрыли журнал в декабре 1897 г. Эта статья была помещена Лениным в сборнике его статей «Экономические этюды и статьи», вышедшем в 1898 г.

В конце 1897 г. Ленин написал ещё одну очень важную работу против народников: «От какого наследства мы отказываемся?»

Либеральные народники 80—90-х годов называли себя единственными представителями наследства 60-х годов, нагло заявляя, что русские марксисты отказываются от «наследства», от традиций лучшей, передовой части русского общества. «Чрезвычайная распространённость подобных фраз,—писал Ленин,—побуждает нас остановиться на подробном рассмотрении и опровержении их»[2].

Важнейшими представителями наследства 60-х годов XIX столетия были великие русские просветители — революционные демократы во главе с Николаем Гавриловичем Чернышевским.

Ленин отмечает следующие три черты, характеризующие просветительство: просветители были одушевлены горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям, они были горячими защитниками просвещения,

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 295—296.
[2] Там же, стр. 305—306.

самоуправления, свободы, всесторонней демократизации России, отстаивали интересы народных масс, главным образом крестьян, искренно верили, что отмена крепостного права и его остатков принесёт с собой общее благосостояние. «Эти три черты и составляют суть того, что у нас называют «наследством 60-х годов», и важно подчеркнуть, — писал Ленин, — что *ничего народнического в этом наследстве нет...*» [1].

Ленин писал о характерных чертах народничества:

«Как только вопрос о капитализме в России был поставлен, очень скоро выяснилось, что наше экономическое развитие есть капиталистическое, и народники объявили это развитие регрессом, ошибкой, уклонением с пути, предписываемого якобы всей исторической жизнью нации, от пути, освящённого якобы вековыми устоями и т. п. и т. д. Вместо горячей веры просветителей в данное общественное развитие явилось недоверие к нему, вместо исторического оптимизма и бодрости духа — пессимизм и уныние... являются приглашения «задержать» и «остановить» это развитие, является теория, что отсталость есть счастье России и т. д.» [2].

Такова первая черта народничества.

Народники стремились повернуть историю вспять, не хотели видеть, что позади капитализма — тоже эксплоатация, но соединённая с бесконечными формами кабалы и личной зависимости тружеников. «Наследство 60-х годов» было самым решительным образом направлено против всяких остатков старины, рутины, застоя.

«Вторая черта народничества — вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т. п. Учение о самобытности России заставило народников хвататься за устарелые западно-европейские теории, побуждало их относиться с поразительным легкомыслием к многим приобретениям западно-европейской культуры: народники успокаивали себя тем, что если мы не имеем тех или других черт цивилизованного человечества, то зато «нам суждено» показать миру новые способы хозяйничанья и т. п.»[3].

Просветители стремились к демократизации России и, отстаивая всё передовое, что имелось в русской общественной мысли, стремились перенести на нашу почву

[1] *Ленин,* Соч., т. II, стр. 314.
[2] Там же, стр. 323—324.
[3] Там же, стр. 324.

также и лучшие образцы европейской культуры. Просветители никогда не идеализировали, не подкрашивали отсталые формы хозяйства и культуры. Народники же хотели увековечить отсталость, «самобытность» России. Ленин писал о народниках: «Эта фальшивая идеализация, желавшая во что бы то ни стало видеть в нашей деревне нечто особенное, вовсе непохожее на строй всякой другой деревни во всякой другой стране в период до-капиталистических отношений, — находится в самом вопиющем противоречии с традициями трезвого и реалистического наследства» [1].

Третья характерная черта народничества — «игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определённых общественных классов». Это воззрение народничества также прямо противоположно взглядам просветителей. «Народник рассуждает всегда о том, какой путь для отечества должны «мы» избрать, какие бедствия встретятся, если «мы» направим отечество на такой-то путь, какие выходы могли бы «мы» себе обеспечить, если бы миновали опасностей пути, которым пошла старуха-Европа, если бы «взяли хорошее» и из Европы, и из нашей исконной общинности и т. д. и т. п. Отсюда полное недоверие и пренебрежение народника к самостоятельным тенденциям отдельных общественных классов, творящих историю сообразно с их интересами»[2].

Великие просветители 60-х годов, и в первую очередь Н. Г. Чернышевский, были материалистами, они не переоценивали роль интеллигенции, они верили в массовое народное движение, в борьбу крестьянства против крепостнических остатков и царского самодержавия.

Подлинными хранителями идейного наследства лучших традиций 60-х годов являлись русские марксисты, а не либеральные народники. Марксисты не только не отрекались от «наследства 60-х годов», но, наоборот, вели борьбу с народниками, которые пошли назад от просветителей. Русские марксисты, продолжая борьбу передовых людей русского общества — революционных демократов, критически используя «наследство 60-х годов», вырабатывали свою программу действий, программу рабочей

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 325.
[2] Там же, стр. 329.

партии в борьбе за освобождение народных масс России от полицейско-самодержавных порядков. «Но само собою разумеется, — писал Ленин, — что «ученики» хранят наследство не так, как архиварнусы хранят старую бумагу. Хранить наследство — вовсе не значит ещё ограничиваться наследством, и к защите общих идеалов европеизма «ученики» присоединяют анализ тех противоречий, которые заключает в себе наше капиталистическое развитие, и оценку этого развития с вышеуказанной специфической точки зрения» [1].

Так как статья Ленина «От какого наследства мы отказываемся?» была предназначена для легальной печати, надо было прибегнуть к «эзоповскому» языку. Вместо Чернышевского, которого нельзя было называть в подцензурной печати, Ленин привёл высказывание Скалдина 60-х годов, который к 90-м годам давно уже «поправел» и ничего общего с прогрессивным движением не имел.

В одном из писем в 1899 г. Ленин разъяснял: «...ведь принимать наследство от Скалдина именно я нигде не предлагаю. Что принимать наследство надо от других людей, — это бесспорно... я имел в виду именно Чернышевского и мотивировал причины неудобства взять его для параллели»[2].

Из цензурных соображений Ленин не мог в статье назвать имя Маркса, а писал: «известный немецкий экономист», вместо марксисты в России — «ученики» (т. е. ученики Маркса) и т. п.

Статья Ленина «От какого наследства мы отказываемся?» была опубликована в 1898 г. в сборнике «Экономические этюды и статьи».

*

Второй год ссылки — наступивший новый, 1898 год — Ленин встречал вместе с Г. М. Кржижановским, который отбывал ссылку в селе Тесинском (76 километров от Шушенского) и в конце декабря приехал к Ленину погостить. В письме к матери от 4 января 1898 г. Ленин писал:

«Глеб уехал от меня 3-ьего дня, прожив 10 (десять) дней. Праздники были нынче в Шу-шу-шу настоящие, и

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 331—332.
[2] Там же, стр. 630.

я не заметил, как прошли эти десять дней... Саяны его приводили в восторг, особенно в ясные дни при хорошем освещении. Кстати, Глеб стал теперь великим охотником до пенья, так что мои молчаливые комнаты сильно повеселели с его приездом и опять затихли с отъездом... Здоровье Глеба у меня несколько поправилось, благодаря правильному режиму... и он уехал очень ободрённый» [1].

Письма Марии Александровны Ульяновой Ленину были полны особой материнской заботы. Она напоминала ему о сибирском трескучем морозе и просила, чтобы он теплее одевался, особенно во время охотничьих прогулок. Ленин очень любил свою мать, часто писал ей из ссылки не только о здоровье, о бытовых мелочах, но и держал её в курсе своих литературных работ, дорожил её мнением. Каждая строчка письма, написанная Лениным, дышит любовью к матери, сыновней благодарностью.

«Насчёт шубы ты боишься совсем напрасно. При моём зимнем костюме... её вполне достаточно *даже для поездок* (а ездить приходится очень редко)... Насчёт охоты тоже беспокоишься напрасно: опасного ничего нет...

Я уже писал, помнится, тебе, что Надежда Константиновна собирается перепрашиваться сюда. (Ей назначено 3 года северных губерний). Если этот план осуществится, то с ней будет хорошая оказия и для книг и для нот и для всего» [2].

Ленин продолжал вести в шушенской ссылке большую научную работу.

Весной 1898 г. Ленин пишет ряд заметок, рецензий на вышедшие книги. Так, например, в журнале «Мир Божий» (апрель 1898 г.) помещена рецензия Ленина (без подписи) на вышедшую книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки».

Ленин, считая в основном удачным популярное изложение курса политической экономии в этой книге, писал: «Воззрение на политическую экономию, как на науку о развивающихся исторически укладах общественного производства, положено в основу порядка изложения этой науки в «курсе» г-на Богданова» [3].

Ленин считал правильным изложение автором экономической науки в историческом разрезе и указывал, что

[1] *Ленин*, Письма к родным, стр. 82—83.
[2] Там же, стр. 82—83.
[3] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 371.

«вся задача руководства к политической экономии состоит в том, чтобы дать изучающему эту науку основные понятия о различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы; вся задача состоит в том, чтобы человек, усвоивший себе начальное руководство, имел в руках надёжную путеводную нить для дальнейшего изучения этого предмета, чтобы он получил интерес к такому изучению, поняв, что с вопросами экономической науки самым непосредственным образом связаны важнейшие вопросы современной общественной жизни» [1].

Оценив в целом положительно «Краткий курс экономической науки», Ленин вместе с тем сделал ряд критических замечаний. В учебнике отсутствовал параграф о резервной армии и капиталистическом перенаселении, не указано, что процесс разорения крестьянства капитализмом состоит в вытеснении его сельской буржуазией. Ленин считал также недостатком учебника отсутствие материалов, характеризующих особенности развития капитализма в России. «Наконец, как общий недостаток книги, мы должны отметить отсутствие примеров из русской жизни. По весьма многим вопросам (хотя бы, напр., об организации производства в средние века, о развитии машинного производства и рельсовых путей, о росте городского населения, о кризисах и синдикатах, об отличии мануфактуры от фабрики и т. д.) подобные примеры из нашей экономической литературы были бы очень важны, а то усвоение предмета сильно затрудняется для начинающего отсутствием знакомых ему примеров» [2].

Летом 1898 г. Ленин написал большую статью «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике (Новые статистические подвиги проф. Карышева)». В этой статье критикуется работа проф. Карышева, который, находясь на народнических позициях, не мог научно обосновать фабрично-заводскую статистику. Он брал средние цифры фабрик и заводов, а не по отдельным губерниям и отдельным отраслям хозяйства, не учитывал территориальное распределение фабрик и заводов вне городов. Нельзя было опускать и крупнейших заведений с водяным двигателем, надо было точно указать и регистрировать такие заведения. Если по некоторым производствам необходимо

[1] *Ленин,* Соч., т. II, стр. 372.
[2] Там же, стр. 377.

считать и более мелкие заведения, то следует перечислить эти производства и указать, какие признаки входят в понятие «фабрично-заводское» заведение. Особое внимание должно быть обращено на «фабрично-заводские» заведения, которые сливались с «кустарными» или «сельскохозяйственными» (войлочное, кирпичное, кожевенное, мукомольное, маслобойное и др.).

Указывая на неудовлетворительную разработку фабрично-заводской статистики, Ленин писал: «Главной и основной целью этой разработки должно быть отделение плевелов от пшеницы, отделение сравнительно годного материала от негодного. Как мы видели, главная ошибка г-на Карышева (и многих других) состоит именно в том, что он не производил такого отделения. Цифры «фабрик и заводов» наименее достоверны и ни в каком случае не могут быть употребляемы без тщательной предварительной обработки (выделения более крупных заведений и пр.). Число рабочих и суммы производства гораздо более достоверны в общих валовых итогах (причём, однако, необходим строгий разбор того, какие производства и как считались, как определялась сумма производства и пр.). Если же брать более детальные итоги, то возможно, что данные окажутся несравнимыми и употребление их поведёт к ошибкам. Только игнорированием всех этих обстоятельств и можно объяснить возникновение басен об уменьшении числа фабрик в России и об уменьшении числа фабрично-заводских рабочих (сравнительно с населением), — басен, которые так усердно распространялись народниками»[1].

Ленин считал, что для экономической науки необходима объективная разработка статистических данных, выделение полного, достоверного и единообразного статистического материала.

Работа «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике» была опубликована в сборнике статей «Экономические этюды и статьи».

О выходе из печати сборника экономических статей Ленина Петербургское охранное отделение доносило 18 ноября 1898 г. департаменту полиции: «Вышло в свет и продаётся в книжном магазине «Знание» (донесение моё за № 195) новое произведение легальной социал-

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 365.

демократической литературы под заглавием: «Экономические этюды и статьи Владимира Ильина», С.-Петербург, типография Лейферта, 1899 г.

Названный автор более известен под другим своим псевдонимом — «Тулин». Под таким псевдонимом печатались его статьи в «Новом слове» и в каком-то социал-демократическом сборнике, не пропущенном цензурою. Настоящую его фамилию знают немногие, так как социал-демократы держат её в большом секрете, оберегая в этом авторе одного из своих вожаков. В действительности это — политический ссыльный Владимир Ильин Ульянов, родной брат террориста Александра Ульянова, казнённого в 1887 году»[1].

На этом документе следующая пометка: «Господин министр желает ознакомиться с этим изданием, просит жандармское управление доставить 1 экз.». «Исполнено 20/XI»[2].

Находившийся в минусинской ссылке член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» М. А. Сильвин поместил под псевдонимом «Бер» в газете «Енисей», издававшейся в Красноярске, статью-рецензию на книгу Ленина. Приводим большую выдержку из этой рецензии.

«НОВАЯ КНИГА ПРОТИВ НАРОДНИЧЕСТВА» (ВЛАДИМИР ИЛЬИН. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ И СТАТЬИ).

Давно не приходилось нам испытывать такого наслаждения при чтении научной книги, какое доставили нам «Экономические этюды» г. Ильина оригинальностью и смелостью мысли, широтой точки зрения, любовью к истине, страстной жаждой к её раскрытию, презрением к иллюзиям и самообману. «Конец народничества» — вот заглавие, которое мы охотно дали бы этой книге. Мы впервые в русской литературе встречаем в книге г. Вл. Ильина беспощадную критику мещанских утопий современного народничества, основанную на тщательном изучении и умелой группировке данных русской экономической действительности. Осмеивая пустые фразы об «особых путях для отечества», об «ошибочности» нашего пореформенного экономического развития и т. п., указывая, как мало в этих фразах оригинальности и основа-

[1] «Красный архив», т. I, 1934 г., стр. 124—125.
[2] Там же, стр. 124.

тельности, высмеивая благожелательные фантазии наших «кустарных» экономистов, немилосердно искажающих действительность в угоду теории, автор,— и в этом его огромная заслуга,— вскрывает классовый, именно мелкобуржуазный характер народничества, показывает, как все практические пожелания народнической программы, в случае их осуществления, были бы выгодны классу мелких собственников-предпринимателей...

В особенную заслугу г. Вл. Ильину следует поставить и то, что он показал преемственную связь наших «самобытных» экономистов-романтиков с представителями той же школы в Западной Европе. Любопытно читать сопоставления, приводимые автором, где наши «истинные» экономисты почти в тех же самых выражениях, как и их европейские собратья 70 лет тому назад, говорят о вреде капиталистического развития для «нации», об «искусственном подражании Англии, которая пошла по ложному пути», о том, что «мы» упустили момент, что «нас омрачили» и т. п. В противоположность расплывчатому, неопределённому смешному «мы» народников, замазывающих классовые противоречия, г. Вл. Ильин стремится вести рассуждения с точки зрения интересов определённого общественного класса...

Можно с большой вероятностью предположить, что эта действительно новая книга вызовет ожесточённые нападки в лагере противников. Снова посыпятся обвинения в буржуазности, в измене традициям, стремлении «насаждать капитализм» и т. п. пустяках. И противники не могут не делать этого, оставаясь народниками: горбатого одна могила исправит. К счастью, подобные книги пишутся преимущественно не для них... Эти упорные метафизики не могут усвоить диалектического понимания хода вещей и диалектического метода рассуждения, блестящее применение которого на данных русской действительности дал автор рассматриваемой книги. Им «не дано» понять, что рост капитализма, развивая антагонизм классов, вместе с тем выгоден и желателен для экономически слабейших...» *(газета «Енисей» № 145 от 9 декабря 1898 г.)*.

Сборник «Экономические этюды и статьи» вышел в свет незадолго до окончания Лениным его знаменитой книги «Развитие капитализма в России».

VI

Весной 1898 г. в Шушенское приехала Надежда Константиновна Крупская — один из активных деятелей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

На протяжении полутора лет после ареста Ленина и других товарищей по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» Н. К. Крупская с большим успехом осуществляла связь между арестованными и работавшими нелегально среди рабочих. Надежда Константиновна, при помощи условного шифра, через сестру Ленина — Анну Ильиничну Елизарову, регулярно информировала Ленина о положении дел в организации и, в свою очередь, получала от него инструктивные указания путём тайнописи в книгах — писем, написанных молоком.

После всеобщей забастовки петербургских ткачей в августе 1896 г. Н. К. Крупская тоже была арестована по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Она просидела в петербургской тюрьме семь месяцев, а затем по решению суда находилась под гласным надзором полиции.

9 января 1898 г. Надежда Константиновна обратилась к министру внутренних дел с прошением, в котором просила назначить ей местом ссылки село Шушенское, Минусинского округа, Енисейской губернии, ввиду того что она выходит замуж за Владимира Ильича Ульянова.

В свою очередь Ленин из села Шушенского телеграфировал в департамент полиции: «Имею честь просить

разрешить моей невесте Надежде Крупской переезд в село Шушенское»[1].

11 марта 1898 г. департамент полиции объявил Н. К. Крупской, что по распоряжению царского правительства она высылается на три года в Уфимскую губернию под гласный надзор полиции. Надежда Константиновна настаивала на замене уфимской ссылки шушенской, где находился Ленин.

Министерство внутренних дел вынуждено было разрешить Надежде Константиновне отбывать ссылку в селе Шушенском.

Заручившись разрешением министерства внутренних дел отбывать ссылку в селе Шушенском, Надежда Константиновна 16 апреля 1898 г. вместе с своей матерью Елизаветой Васильевной направилась в Сибирь на свой счёт по проходному свидетельству.

В Красноярск Надежда Константиновна прибыла 30 апреля 1898 г. и в тот же день обратилась к губернатору с просьбой разрешить ей пробыть в городе до открытия навигации на Енисее. Губернатор разрешил ей временно проживать в Красноярске, но с условием, что с первым же пароходом она уедет в Минусинск.

Надежда Константиновна посетила известную среди ссыльных красноярскую фотографию Кеппеля, встретилась там с одним из активных членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Фридрихом Васильевичем Ленгником, направлявшимся к месту ссылки в село Казачинское, Енисейского округа. Она также навестила ссыльного социал-демократа П. А. Красикова. В ожидании открытия навигации Н. К. Крупская подобрала ещё ряд книг, необходимых Ленину для его литературных занятий.

2 мая в Минусинск пошёл первый пароход, с которым и уехали Надежда Константиновна и её мать Елизавета Васильевна. В Минусинске они задержались всего на один день и 7 мая приехали в Шушенское.

Ленин писал матери М. А. Ульяновой: «Приехали ко мне наконец, дорогая мамочка, и гости. Приехали они седьмого мая вечером, и как раз ухитрился я именно в этот день уехать на охоту, так что они меня не застали дома. Я нашёл, что Надежда Константиновна высмотрит неудовлетворительно — придётся ей здесь заняться получше своим здоровьем. Про меня же Елизавета Васильевна

[1] «Красный архив», т. I, 1934 г., стр. 123.

сказала: «Эк вас разнесло!» — отзыв, как видишь, такой, что лучше и не надо!» [1]

От Надежды Константиновны Ленин получил ценные сведения о революционном движении в России, о состоявшемся в Минске в марте 1898 г. I съезде Российской социал-демократической партии.

Вскоре Ленин и Н. К. Крупская переехали на новую квартиру к вдове-крестьянке Петровой, где заняли бо́льшую половину дома. Они взяли себе в помощницы по хозяйству четырнадцатилетнюю девочку Пашу Мезину.

В своих воспоминаниях Прасковья Алексеевна Ященко-Мезина о жизни в семье Ульяновых рассказывает:

«Около двух лет прожила я в семье Ульяновых.

Нравилось мне у них жить. Прежде чем дать мне какую-нибудь работу, меня всегда спрашивали, могу ли я это делать, и если я отвечала «нет», — меня учили, как это делать. Работа была у них не тяжёлая. Скота они не держали, стирку отдавали на сторону. Огород у них был во дворе маленький (росли в нём огурцы, морковь, свёкла и другие овощи), так его всей семьёй обрабатывали; Владимир Ильич любил в земле повозиться.

Надежда Константиновна как-то спросила меня, грамотная ли я и хочу ли учиться. Я сказала, что неграмотная и учиться хочу. Тогда она дала мне азбуку, тетрадь, карандаш и начала со мной заниматься. В ученьи я оказалась способная и быстро научилась читать и писать. Вела дневник, где каждый день записывала, что делала. Надежда Константиновна давала мне интересные книги читать, потом спрашивала, что в них написано, — я ей рассказывала. До сих пор помню про одну книжку, в ней было написано про узника, который содержался в темнице в самых тяжёлых условиях. Читая эту книжку, я расплакалась, а Надежда Константиновна увидела мои слезы и говорит: «Хорошо, Паша, читаешь, с понятием, так и надо читать книгу»».

Надежда Константиновна помогала Ленину в его большой теоретической работе. Вместе они работали, вместе делили невзгоды ссыльной жизни, вместе строили планы дальнейшей революционной работы.

Большую научную и революционную работу Ленин умел сочетать с разумным отдыхом. Весь рабочий день у

[1] *Ленин*, Письма к родным, стр. 110.

него был точно распределён. Наряду с дальними прогулками и охотой Ленин любил кататься на коньках. Об этом он рассказывает в письме к своей матери М. А. Ульяновой:

«У нас новостей никаких. Переменилось только развлечение: по случаю наступления зимы я вместо охоты начинаю заниматься коньками: вспомнил старину, и оказалось, что не разучился, хотя не катался уже лет с десяток»[1].

Один из жителей села Шушенского, колхозник Николай Иванович Попков, вспоминает, как Ленин любил кататься на коньках.

«Мне в то время было лет 10—11. Никогда у у меня не изгладится из памяти, как мы встречались с Владимиром Ильичём на катушке и на катке. Он с нами, ребятами, дружил. Организовал он молодёжь и малых ребят, и построили катушку. Наладили брёвна, утрамбовали снег, залили водой, и ребятишки катались на салазках.

Каток Владимир Ильич делал сам, а мы всегда старались, вертелись около него, помогали ему; уж очень нам было любопытно смотреть, как большой политический дядя ловко катается и не падает. Когда бывала пурга и наш каток заносило снегом, мы, как увидим, что Владимир Ильич взялся за его расчистку,—все повысыпаем к нему на помощь, а он шутит с нами, подбадривает нас.

Мне крепко врезалось в память, как Владимир Ильич хорошо катался на коньках, здорово был научен, видно, с детства. Делал прыжки, круги, взад и вперёд катался, всякие фигуры выделывал ногами. Мы сначала любовались на него, потом пытались догонять, носились как оглашенные, но ни разу не могли догнать. Бывало целой ватагой задумаем его поймать, расстановимся шахматным порядком или в цепь, но он всякими вилюшками выйдет из нашего окружения. Но когда захочет сделать нам уважение, то нарочно в цепь зайдёт и как будто сдаётся. «Ну, — говорит, — поймали», а сам улыбается или громко смеётся вместе с нами. А мы так гужом за ним и ходили, бегали, и, видно, очень он любил ребят, коли они к нему так льнули. И все ребята его звали по имени и отчеству — Владимир Ильич. Как увидим, что он на кат-

[1] *Ленин*, Письма к родным, стр. 146.

ке, сейчас же под окна к другим ребятам: айда на каток, Владимир Ильич вышел кататься!»

Ленин очень увлекался шахматами. Он писал матери: «Пришли мне одну из наших партий шахматов: оказалось, что в Минусинске есть партнёры среди товарищей, и я однажды с большим удовольствием вспомнил старинку. Напрасно я думал, что Восточная Сибирь — такая дикая страна, в которой шахматы не могут понадобиться. В Восточной Сибири есть самые различные места»[1].

П. Лепешинский — участник петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», также находившийся в минусинской ссылке, ярко описал, как Ленин увлекался игрой в шахматы:

«Как известно, и Маркс, и Энгельс, и Либкнехт очень любили шахматную игру, причём проигрыши партий для Маркса очень часто были источником такого нервного раздражения, которое вызывало у него целый поток энергичных словечек против счастливого соперника. Владимир Ильич никогда не раздражался и не ругался по поводу шахматных своих неудач, но любил эту игру не менее Маркса...

Когда я впервые познакомился в Минусинске с Владимиром Ильичём, то с нетерпением жаждал померяться с ним силами на шахматной доске. Старков и Кржижановский, которых я систематически обыгрывал во время нашего этапного путешествия в вагоне из Петербурга в Москву и из Москвы в Сибирь, были очень высокого мнения о моём шахматном искусстве и подзадоривали и меня, и Ильича поскорее засесть за шахматный столик. Мы не заставили себя долго уламывать и чуть ли не через четверть же часа после первого свидания сидели друг против друга, углубившись в игру.

Не без некоторого волнения я стал передвигать пешки и фигуры. Скоро результат игры выяснился: я торжественно и чудно партию проиграл.

— Ну что ж! это со мною иногда случается, в особенности если я начинаю играть с новым партнёром, к манере игры которого я не успел ещё привыкнуть. Вот посмотрим, что скажет вторая партия.

Но и другая партия кончилась для меня столь же печально.

[1] *Ленин*, Письма к родным, стр. 105.

— О-о, чорт побери, реванш, скорее реванш!!

Но и третья и четвёртая партии имели тот же финал, при общем ликовании моих старых шахматных противников — Старкова и Кржижановского.

Нечего делать, как это ни неприятно было для самолюбия, но пришлось согласиться на игру с компенсацией сил: Ильич снимал у себя какую-нибудь фигуру, и тогда шансы на победу уравновешивались»[1].

*

В период шушенской ссылки Ленин, продолжая вести большую теоретическую работу по разоблачению вредных, антинаучных взглядов либерального народничества, как и раньше, если представлялась возможность, лично выступал на диспутах против народников, защищая и обосновывая позицию революционных марксистов.

Первые столкновения с народниками у Ленина произошли во время его пребывания в Красноярске, где находились Караулов и другие. Затем Ленин встречался с народниками в Минусинске, куда приезжал он из Шушенского как с разрешения начальства, так и без разрешения. Народники и народоправцы — Тырков, Тютчев, Яковлев, Мельников и другие — всегда старались улучить момент, чтобы затеять спор с марксистами, лидером которых являлся Ленин.

Такие ссыльные «старики», как Тютчев и Тырков, свысока смотрели на ссыльных социал-демократов, особенно на рабочих-марксистов, заявляя, что они не настоящие революционеры. Особенно вызывающе держал себя народоправец Тютчев. «Улица пошла теперь в ссылку», — говорил он по адресу рабочих-марксистов. Воспользовавшись случаем побега ссыльного социал-демократа С. Г. Райчина, народники резко и демагогически выступили против марксистов.

Семён Григорьевич Райчин — рабочий-наборщик — был тесно связан с группой «Освобождение труда». Будучи за границей, он набирал марксистский журнал «Социал-демократ», издававшийся в начале 90-х годов под редакцией Г. В. Плеханова. Прибыв в Россию, С. Г. Райчин был арестован и сослан в Сибирь за связь с группой «Освобождение труда».

[1] *П. Лепешинский,* На повороте, стр. 90—91.

Райчин подготовлял побег из ссылки за границу, и ссыльные социал-демократы собрали ему необходимые средства. Получив деньги, никого не предупредив, Райчин в начале 1898 г. совершил побег. Ленин был в курсе подготовки побега С. Г. Райчина и одобрял, хотя не мог принимать непосредственного участия в его организации, находясь в селе Шушенском. Как и следовало ожидать, в связи с побегом Райчина начались репрессии по отношению к другим политическим ссыльным.

Народники вломились в амбицию, что-де их не предупредили о побеге, могли быть обыски, а они «не почистились». «Старики»-народники затеяли склоку и потребовали специального товарищеского суда над В. В. Старковым и другими, принимавшими участие в организации побега Райчина. Для защиты социал-демократов от нападок народников в Минусинск приехал Ленин.

«Он великолепно повёл тактику формально-юридического процесса (может быть, это единственный случай в его жизни, когда ему пригодилась его университетская адвокатская выучка). Не давая воли своим субъективным реакциям на политические выпады противников, он с карандашиком и бумажкою в руках записывал их ответы на предлагаемые им вопросы: на чём основано такое-то утверждение или такая-то квалификация? Где факты? Какие документальные доказательства? Какие улики? Имеются ли свидетельские показания? И т. д. и т. д.» [1].

Конечно, в распоряжении народников не было никаких фактов. И на этот раз Ленин своей логикой разбил все их попытки подорвать авторитет ссыльных социал-демократов. «Нет хуже этих ссыльных историй... — говорил Владимир Ильич по поводу этого инцидента.— Нельзя давать засасывать себя таким историям — вся работа впереди, нельзя себя растрачивать на эти истории» [2].

*

Летом 1898 г. Ленин решил поехать в Красноярск, чтобы ознакомиться с деятельностью социал-демократов, встретиться с П. А. Красиковым и его товарищами. Удоб-

[1] *П. Лепешинский,* На повороте, стр. 84.
[2] *Н. Крупская,* Воспоминания о Ленине, стр. 34—35.

ным поводом для поездки могла служить жалоба на болезнь, лечением которой не занимаются местные врачи. Кстати сказать, врачи Минусинска в большинстве случаев относились к политическим ссыльным сочувственно и помогали им советами.

Пользуясь тем, что в Минусинске не было врача-дантиста, Ленин, предварительно заручившись у минусинских врачей необходимыми справками, 12 августа 1898 г. обратился к енисейскому губернатору с прошением разрешить ему приехать на одну неделю в Красноярск для обращения к специалисту по зубным болезням. «Местный врач,— писал он,— после неоднократных безуспешных попыток, признал себя некомпетентным в данном случае, а дантиста в настоящее время в г. Минусинске нет» [1].

Получив это прошение, губернатор наложил резолюцию: «Прошу г. городового врача освидетельствовать г. Ульянова», а 24 августа сообщил иркутскому генерал-губернатору, что «административно-ссыльному, состоящему под гласным надзором полиции в Минусинском округе, Владимиру Ульянову, согласно его ходатайства и представленных двух медицинских свидетельств минусинского городового врача Смирнова о состоянии его здоровья, а также ввиду болезни Ульянова, требующей скорой подачи помощи, мной разрешено названному ссыльному прибыть на одну неделю в г. Красноярск для лечения» [2].

Получив разрешение, Ленин выехал из Шушенского. В Минусинске полицейское управление 8 сентября выдало ему проходное свидетельство, и 11 сентября он прибыл в Красноярск.

О поездке Ленина в Красноярск Надежда Константиновна Крупская писала Марии Ильиничне Ульяновой:

«Володя укатил в Красноярск, и без него стало как-то пусто, «режим» изменился, вечер пустой сегодня вдруг очутился...

Я очень рада, что он проедется, освежится немного, людей посмотрит, а то засиделся он в Шуше совсем. Он тоже был очень рад этой поездке. Последний день перед

[1] «Красный архив», т. I, 1934 г., стр. 124.
[2] Там же.

отъездом даже книжки не раскрывались, ...он сидел на окошке и оживлённо болтал, да делал всякие завещания...

Ночью ему плохо спалось, а утром я его разбудила, когда уже ямщик приехал, так он какую-то победную песню запел на радостях. Не знаю, останется-ли доволен поездкой. Конечно, не мог не захватить с собой уймы книг: 5 толстых претолстых книжиц взял, да ещё в Красноярской библиотеке выписки собирался делать. Надеюсь, книги останутся непрочитанными... Получила из Минусы от Володи коротенькую записочку, в которой он хотя и ругается, что парохода ждать надо, но из которой я тем не менее заключила, что начало путешествия удачно»[1].

На этот раз Ленин остановился в Красноярске у ссыльного социал-демократа Петра Ананьевича Красикова, который рассказал Ленину о работе марксистов в Красноярске и познакомил его со студентом Петербургского университета Л. Н. Скорняковым, находившимся в ссылке под надзором полиции за принадлежность к социал-демократической организации. Л. Н. Скорняков работал в конторе строительства моста и собирался организовать марксистский кружок рабочих, который вскоре и был создан. Ленин горячо одобрил это начинание.

В течение недели, проведённой в Красноярске, Ленин снова посещал библиотеку Юдина, бродил по живописным окрестностям города, приобрёл необходимые предметы домашнего обихода, охотничьи припасы.

Полицейские власти тщательно наблюдали за сроком пребывания Ленина в Красноярске. 20 сентября он выехал на пароходе в Минусинск.

О пребывании в Красноярске и встречах с товарищами Ленин писал матери 16 сентября 1898 г: «Поездкой своей сюда я очень доволен: вылечил себе зубы и проветрился несколько после $1^1/_2$-годового Шушенского сиденья. Как ни мало в Красноярске публики, а всё-таки после Шуши приятно людей повидать и поразговаривать не об охоте и не о Шушенских «новостях»[2].

[1] *Ленин*, Письма к родным, стр. 129—130.
[2] Там же, стр. 133.

*

Владимир Ильич очень любил детей. В Шушенском жил на поселении латыш-катанщик Кудум. Было у него четырнадцать детей, но выжил один — Минька, который сильно привязался к семье Ульяновых. Мать Миньки беспокоилась, что он мешает Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне работать, и не пускала часто к ним. В таких случаях Минька заявлял, что Ленин его любит, и, второпях надев большую шапку, материнские сапоги и кофту, бежал к Ульяновым. Ленин действительно его любил. Из Красноярска он привёз Миньке в подарок игрушку — большую лошадь. Мальчик был проникнут такой нежной привязанностью к Ленину, что отказывался уходить домой ночевать. Н. К. Крупская вспоминала:

«Было Миньке шесть лет, было у него прозрачное бледное личико, ясные глазки и серьёзный разговор. Стал он бывать у нас каждый день — не успеешь встать, а уж хлопает дверь, появляется маленькая фигурка в большой шапке, материной тёплой кофте, закутанная шарфом, и радостно заявляет: «А вот и я». Знает, что души в нём не чаяла моя мама, что всегда пошутит и повозится с ним Владимир Ильич...

Когда мы уехали, захворал с горя Миняй. Теперь нет его уже в живых...»[1]

Ленин помнил не только о Миньке, но и о шестерых ребятишках ссыльного рабочего Проминского и привёз им в подарок из Красноярска много игрушек. В своих письмах к матери Ленин просил посмотреть, не сохранились ли в их семье книжки с картинками, чтобы прислать для ребятишек Проминского. Через некоторое время он опять пишет матери, что «детям Проминского нечего читать. Я даже думал такую вещь сделать: выписать себе «Ниву». Для ребят Проминского это было бы очень весело (картинки еженедельно), а для меня — полное собрание сочинений Тургенева, обещанное «Нивой» в премию, в 12 томах... Соблазнительно очень» [2].

В рождественские святки для детей была устроена ёлка. Надежда Константиновна делала игрушки, а Ленин помогал ей. Вместе украшали ёлку, вместе с ребятишками пели песни, стремясь хоть немного скрасить безотрадную жизнь детворы в деревне.

[1] *Н. Крупская*, Воспоминания о Ленине, стр. 30—31.
[2] *Ленин*, Письма к родным, стр. 102.

С приездом Н. К. Крупской в Шушенское у Ленина появился замечательный помощник в его теоретических работах. С помощью Н. К. Крупской он перевёл с английского на русский язык книгу С. и Б. Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма».

За два месяца до приезда Н. К. Крупской, 8 марта 1898 г., Ленин пишет А. И. Елизаровой: «Хочу попросить тебя достать мне пособия по английскому языку. Напросился тут я на перевод и получил толстую книгу Webb'a. Очень боюсь, как бы не наделать ошибок» [1].

Перевод был закончен в августе 1898 г. Об этом сообщала Н. К. Крупская А. И. Елизаровой 9 августа: «А на-днях и Вебб придёт к благополучному окончанию»[2]. Книги С. и Б. Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма» (тт. I и II) вышли в издании О. Н. Поповой в 1900 и 1901 гг.

Получив книжку К. Каутского «Антибернштейн», написанную против Э. Бернштейна, Ленин вместе с Н. К. Крупской перевёл её на русский язык. В своих воспоминаниях Надежда Константиновна писала: «Как-то прислал Потресов на две недели книжку Каутского против Бернштейна, мы побросали все дела и перевели её в срок—в две недели» [3].

Под руководством Ленина Н. К. Крупская написала брошюру «Женщины-работницы», которая была в 1901 г. напечатана в Женеве в издании газеты «Искра».

Ленин много работал над книгой «Развитие капитализма в России». Подготовкой этого труда он занимался в юдинской библиотеке в период пребывания в Красноярске. В августе 1897 г., знакомя деятелей группы «Освобождение труда» со своими теоретическими работами, Ленин писал: «...занимаюсь понемногу и для журнала [4] и для своей большой работы» [5].

Вчерне «Развитие капитализма в России» было закончено в августе 1898 г. Н. К. Крупская в письме к А. И. Елизаровой 9 августа писала: «Сегодня Володя кончил

[1] *Ленин,* Письма к родным, стр. 106.
[2] Там же, стр. 122.
[3] *Н. Крупская,* Воспоминания о Ленине, стр. 31.
[4] «Новое Слово». — *Ред.*
[5] «Ленинский сборник» I, стр. 157.

292

свои рынки, теперь ему остаётся только сократить их, и в шляпе дело» [1].

Осенью и зимой 1898 г. Ленин усиленно работал над отделкой книги «Развитие капитализма в России», используя ряд выписок, сделанных в юдинской библиотеке, и многочисленные статистические данные, которые обрабатывал сам. Марии Александровне Ульяновой Ленин писал: «Рынки свои я кончил в черновике и начал отделывать окончательно. Переписка на бело пойдёт одновременно, так что я думал по частям отправлять и печатать по мере присылки, чтобы не вышло задержки. (Первую посылку рассчитываю отправить самое позднее через месяц)» [2].

Окончательная обработка отдельных глав рукописи потребовала ещё значительного времени. 14 октября Н. К. Крупская пишет: «Первая глава уже готова, мне она показалась очень интересной. Я изображаю из себя «беспонятного читателя» и должна судить о ясности изложения «рынков», стараюсь быть как можно «беспонятнее», но особенно придраться ни к чему не могу» [3].

В октябре—ноябре 1898 г. Ленин тщательно пересматривает свой труд, исправляет его, сокращает, готовит к печати и пишет А. И. Елизаровой, что печатать работу можно в журналах по главам: «Вторая глава например, да и первая тоже, представляет из себя вполне самостоятельное целое. В этих отчасти видах мы и поторопились послать готовую часть немедленно. Только при отдаче в журнал необходимо точно условиться о времени помещения и оговорить право автора печатать всю книгу теперь же, не дожидаясь окончания статьи в журнале» [4].

Однако эти главы отдельно не удалось отпечатать в журналах. Вся книга к этому времени ещё не была закончена. В письме к М. И. Ульяновой Н. К. Крупская пишет: «Ты думаешь «рынки» кончены? Вовсе нет. Будут кончены совсем только к февралю. Володя с утра до вечера пишет всё, на другое что у него почти совсем и времени не остаётся» [5].

Рукопись была закончена в конце января 1899 г. 3 фев-

[1] *Ленин,* Письма к родным, стр. 122.
[2] Там же, стр. 137—138.
[3] Там же, стр. 138.
[4] Там же, стр. 142—143.
[5] Там же, стр. 146.

раля Ленин писал: «Наконец-то покончил я с работой, которая одно время грозила затянуться до бесконечности»[1].

В марте 1899 г. в № 3 журнала «Начало» (который выходил вместо закрытого «Нового Слова») были опубликованы первые шесть параграфов III главы ленинской работы под названием «Вытеснение барщинного хозяйства капиталистическим в современном русском земледелии». Эту статью Ленина редакция журнала «Начало» сопроводила следующим примечанием: «Настоящая статья представляет отрывок из большого исследования автора о развитии капитализма в России».

В то время как работа Ленина «Развитие капитализма в России» была в наборе, он посылал дополнения ко II и VII главам. Находясь в далёкой шушенской ссылке, Ленин сам вёл корректуру книги (параллельно с А. И. Елизаровой и статистиком В. А. Ионовым). Анне Ильиничне Ленин писал:

«С громадным интересом жду первых двух глав, — вторая в типографском отношении самая трудная. Ты прекрасно сделала, что убедила В. А.[2] не исправлять «от разума» (в частности, насчёт маленькой иллюстрации ты вполне права, что я именно и хотел сказать: маленькая, а не миленькая. Насчёт резкостей я теперь вообще стою за смягчение их и уменьшение их числа. Я убедился, что в печати резкости выходят неизмеримо сильнее, чем на словах или в письме, так что надо быть поумереннее в этом отношении). Насчёт таблиц тоже я очень и очень доволен, что ты убедила не опускать дроби, печатать их особым шрифтом и ниже целых величин, не ставить таблицы боком. Если это и удорожит несколько издание, — беда не такая большая»[3].

Получив в начале марта первые чистые листы своей книги, Ленин остался ими очень доволен. «Таблицы набраны превосходно. Особенно хорошо, что десятичные знаки отчётливо выделены и что нет боковых таблиц»[4].

В апреле вышла из печати книга Ленина «Развитие капитализма в России» под псевдонимом «Владимир Ильин», в издании М. И. Водовозовой. 28 апреля газета

[1] *Ленин*, Письма к родным, стр. 182.
[2] Ионова. — *Ред.*
[3] *Ленин*, Письма к родным, стр. 185.
[4] Там же, стр. 189—190.

«Русские Ведомости» поместила объявление о выходе книги: «*Владимир Ильин.* «Развитие капитализма в России». Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. Цена 2 р. 50 коп., стр. 480».

В начале мая 1899 г. Ленин получил экземпляр вышедшей книги и пишет Анне Ильиничне: «Внешним видом книги я очень доволен. Издана прекрасно благодаря большим хлопотам твоим с корректурой» [1].

За три года работы над «Развитием капитализма в России» Ленин изучил и переработал огромную литературу по экономическим вопросам и по конкретной экономике России. В ленинском труде цитируется и упоминается свыше 400 различных книг, сборников, обзоров, статей. В действительности количество использованных Лениным источников было в несколько раз больше. Огромную, кропотливую исследовательскую работу проделал Ленин над критической обработкой и систематизацией обширного статистического материала. Тщательно были изучены и подвергнуты критике труды классиков буржуазной политической экономии А. Смита и Д. Рикардо. Блестящий знаток «Капитала» Маркса и всех работ основоположников научного социализма, Ленин сам переводил цитаты из «Капитала» с немецкого на русский язык.

В гениальном труде «Развитие капитализма в России» Ленин нанёс всесокрушающий удар по народничеству, завершив его идейный разгром. В введении к «Развитию капитализма в России» Ленин вскрыл всю теоретическую несостоятельность народников в вопросе образования внутреннего рынка и развития капитализма в России. Ленин обосновывает и развивает теоретическое положение марксизма о простом товарном хозяйстве и неизбежности его превращения в капиталистическое хозяйство.

На основе научно обоснованных материалов Ленин дал гениальный анализ процесса возникновения и развития русского капитализма как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства. Ленин доказал, что вместе с развитием капитализма создаётся внутренний рынок через отделение промышленности от земледелия и разделение труда внутри промышленности

[1] *Ленин,* Письма к родным, стр. 209.

и внутри земледелия. Всё это приводит к росту товарно-денежных отношений, усиливает обмен между отраслями и видами труда. Расслоение крестьянства, превращение большей части мелких производителей в наёмных рабочих увеличивают тем самым объём внутреннего рынка. Средства производства, от которых «освобождается» мелкий производитель, превращаются в капитал в руках нового владельца: кулака, промышленника, и ширится внутренний рынок и на средства производства. Критикуя антинаучные взгляды народников, Ленин доказывал: «Степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране. Ставить вопрос о пределах внутреннего рынка отдельно от вопроса о степени развития капитализма (как делают экономисты-народники) неправильно» [1].

Ленин не только установил неизбежность и закономерность развития капитализма в России, но вскрыл глубочайшие противоречия, раздирающие капиталистическое общество. На большом конкретном материале Ленин показал, как в недрах капитализма растёт и крепнет рабочий класс — могильщик капитализма и созидатель нового, социалистического общества.

Народники, идеализируя крестьянскую общину, восхваляли её как лучший пример сельского коллектива; не хотели примириться с фактом распада общины под натиском развивавшегося капитализма; приукрашивали положение крестьян; затушёвывали происходящее внутри крестьянства расслоение; не хотели видеть образование класса наёмных работников. Ленин показал, что в русской деревне очень много пролетариев с наделом — это бедняки-крестьяне, которые имели в деревне надел земли, но жили заработной платой, получаемой на фабриках и заводах. Ленин указывал исторически прогрессивную роль капитализма, развивающегося из недр феодально-крепостнического строя, и подчёркивал реакционность народничества, пытавшегося приостановить, задержать развитие капитализма в России. Прогрессивная роль капитализма состояла в повышении производительности труда, в его обобществлении. «Пореформенная эпоха резко отличается в этом отношении от предыдущих эпох русской истории. Россия сохи и це-

[1] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 42.

па, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка»[1]. Однако росту производительных сил России особенно мешали сохранившиеся после реформы 1861 г. громадные остатки барщинного хозяйства в деревне и всевозможные пережитки крепостного права.

Ленин писал, что старая, барщинная система хозяйства была лишь подорвана, но не уничтожена. Крестьянское хозяйство не было вполне отделено от хозяйства помещиков, так как в руках последних остались «отрезанные земли»—леса, луга, водопои, выгоны и пр. Без таких земель крестьяне не в состоянии были вести самостоятельное хозяйство, сохранилась круговая порука, телесное наказание крестьянина.

Основой крепостнической эксплоатации крестьянства помещиками являлись отработки. Виды отработок были чрезвычайно разнообразны: то крестьяне обрабатывали своим инвентарём помещичьи земли, то отрабатывали штрафы за потравы, очень распространена была форма испольщины.

Ленин показал, что вытеснение отработков капиталистическими отношениями в земледелии носило прогрессивный характер. Этого не хотели признавать народники, идеализировавшие отработочную систему. Они не хотели признавать, что частновладельческое хозяйство состояло из соединения отработочной и капиталистической системы и что, следовательно, вытеснение отработков капитализмом было прогрессивным явлением. «Чтобы уклониться от этого вывода, народники не остановились даже перед *идеализацией отработочной системы*. Эта чудовищная идеализация — основная черта народнических воззрений на эволюцию помещичьего хозяйства» [2].

Остатки крепостничества тяжёлым ярмом ложились на крестьянство.

Крестьянство в целом было заинтересовано в устранении помещичьего землевладения и ликвидации всех крепостнических остатков и поэтому неизбежно должно было выступить на борьбу за свержение царизма под

[1] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 466.
[2] Там же, стр. 155.

руководством самого передового класса современного общества — пролетариата.

В книге «Развитие капитализма в России» Ленин устанавливает три стадии развития капитализма в русской промышленности: мелкотоварное хозяйство, мануфактура, капиталистическая фабрика. Особое значение имеет переход от мануфактуры к фабрике, когда в промышленности совершается полный технический переворот. «Промышленность и сравнительно развитые торговые сношения с остальным миром поднимают жизненный уровень населения и его культурность; на крестьянина-земледельца работник мануфактуры смотрит уже сверху вниз. Крупная машинная индустрия доканчивает это преобразование, отделяет окончательно промышленность от земледелия, создаёт, как мы видели, особый класс населения, совершенно чуждый старому крестьянству, отличающийся от него другим строем жизни, другим строем семейных отношений, высшим уровнем потребностей, как материальных, так и духовных. В мелких промыслах и в мануфактуре мы видим всегда остатки патриархальных отношений и разнообразных форм личной зависимости, которые, в общей обстановке капиталистического хозяйства, чрезвычайно ухудшают положение трудящихся, унижают и развращают их. Крупная машинная индустрия, концентрируя вместе массы рабочих, сходящихся нередко из разных концов страны, абсолютно уже не мирится с остатками патриархальности и личной зависимости, отличаясь поистине «пренебрежительным отношением к прошлому». И именно этот разрыв с устарелыми традициями был одним из существенных условий, создавших возможность и вызвавших необходимость регулирования производства и общественного контроля за ним» [1].

Ленин даёт подробный очерк развития русской капиталистической промышленности после реформы 1861 г. За 25 лет (т. е. с 1865 по 1890 г.) количество рабочих только на крупных фабриках, заводах и железных дорогах увеличилось с 706 тысяч до 1 432 тысяч, т. е. более чем вдвое. Это был современный промышленный пролетариат больших капиталистических предприятий.

Темпы развития промышленности того времени были

[1] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 427—428.

достаточно высокими. Но если сравнить их с темпами, возможными при уровне тогдашней техники, то развитие капитализма в России надо признать медленным. «И оно не может не быть медленным, ибо ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые «страдают и от капитализма и от недостаточного развития капитализма»»[1].

Препятствием для быстрого экономического развития России являлось помещичье землевладение и вытекавшие отсюда полукрепостнические отношения. Только при условии разгрома самодержавия и уничтожения помещичьего землевладения было возможно более быстрое экономическое развитие страны.

На основании анализа переписи 1897 г. в книге дана классовая структура России:

Крупная буржуазия, помещики, высшие чины и прочие	около	3,0 млн.
Зажиточные мелкие хозяева	»	23,1 »
Беднейшие мелкие хозяева	»	35,8 »
Пролетарии (их не менее 22-х миллионов) и полупролетарии	»	63,7 »

Эти данные показывают, что около пяти шестых всего населения России в то время было занято в сельском хозяйстве. Несмотря на развитие капитализма, Россия оставалась тогда страной аграрной, отсталой в экономическом отношении.

Вместе с тем под полукрепостнической оболочкой старой России вырастали новые капиталистические отношения. Неумолимый ход экономического развития приводил к образованию внутреннего рынка, выражавшемуся в большом росте железнодорожной сети и грузооборота, речного и морского пароходства, внешней торговли, торгово-промышленного населения, числа наёмных рабочих, росте городов, росте капитализма на окраинах России — в Сибири и в Закавказье.

Народники — эти «рыцари мещанства», идеализировавшие мелкое производство, называя его «народным»,

[1] *Ленин,* Соч., т. III, стр. 469.

не хотели видеть, что наёмный труд имелся не только в крупной, но и в мелкой промышленности. Народники заявляли, что $1^1/_2$ миллиона рабочих в крупной промышленности — это капиталистический «уголок» России, не имеющий никакого отношения к «народному» мелкому «некапиталистическому» хозяйству. Ленин по этому поводу писал:

«Но как произвольно и как искусственно выгораживаются здесь эти $1^1/_2$ милл. рабочих в особый «уголок», ничем будто бы не связанный с остальными областями наёмного труда! На самом же деле, связь эта очень тесна, и для характеристики её достаточно сослаться на две основные черты современного хозяйственного строя. Во-1-х, в основе этого строя лежит денежное хозяйство. «Власть денег» проявляется с полной силой и в промышленности и в земледелии, и в городе и в деревне, но только в крупной машинной индустрии она достигает полного развития, вытесняет совершенно остатки патриархального хозяйства, концентрируется в небольшом числе гигантских учреждений (банков), связывается непосредственно с крупным общественным производством. Во-2-х, в основе современного хозяйственного строя лежит купля-продажа рабочей силы. Возьмите даже самых мелких производителей в земледелии или в промышленности, и вы увидите, что исключением является такой, который бы не нанимался сам или не нанимал других. Но опять-таки полного развития и полного отделения от прежних форм хозяйства эти отношения достигают только в крупной машинной индустрии. Поэтому тот «уголок», который кажется иному народнику таким незначительным, воплощает в себе, на самом деле, квинтэссенцию современных общественных отношений, а население этого «уголка», т.-е. пролетариат, является, в буквальном смысле слова, одним только передним рядом, авангардом всей массы трудящихся и эксплуатируемых»[1].

На основе глубочайшего анализа особенностей классового строения России Ленин доказал, что сила русского пролетариата неизмеримо больше, чем его численная величина в общей массе населения. Ленин показал наличие в крестьянстве противоречивых мелкособствен-

[1] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 456—457.

нических и пролетарских тенденций и необходимость руководства пролетариата крестьянским движением. На огромном фактическом материале Ленин обосновал идею гегемонии пролетариата в революции.

После «Капитала» К. Маркса книга Ленина «Развитие капитализма в России» является самой крупной работой в экономической литературе марксизма. Развитие капитализма в России сыграло огромную роль в выработке революционной политики и тактики марксистской партии российского пролетариата.

*

Как ни старались жандармы проникнуть в тайны переписки и литературных занятий Ленина в Шушенском, они не могли получить сведений, уличающих его в революционной работе. Но вот минусинские жандармы, наконец, нашли повод для неожиданного обыска. В городе Кургане жандармский ротмистр совершал повальные обыски у политических ссыльных. У одного из обыскиваемых, по фамилии Зобнин, были найдены почтовые квитанции на отсылку им из Иркутска писем в разные местности, в том числе и в Шушенское В. И. Ульянову.

Получив сообщение об этом, жандармы в ночь на 3 мая 1899 г. нагрянули с обыском к Ленину.

В квартире Ульяновых находилась нелегальная переписка и химические составы для тайнописи. Была опасность, что жандармы обнаружат их. «По старой питерской привычке, — пишет Н. К. Крупская, — нелегальщину и нелегальную переписку мы держали особо. Правда, она лежала на нижней полке шкафа. Владимир Ильич подсунул жандармам стул, чтобы они начали обыск с верхних полок, где стояли разные статистические сборники,—и они так умаялись, что нижнюю полку и смотреть не стали, удовлетворившись моим заявлением, что там лишь моя педагогическая библиотека. Обыск сошёл благополучно, но боязно было, чтобы не воспользовались предлогом и не накинули ещё несколько лет ссылки. Побеги были ещё тогда не так обычны, как позднее, — во всяком случае, это бы осложнило дело. Ведь прежде, чем ехать за границу, нужно было провести

большую организационную работу в России. Дело, однако, обошлось благополучно — срока не набавили» [1].

Во время обыска Ленин показал себя опытным конспиратором. Полицейская провокация провалилась.

Жандармский подполковник, производивший обыск, обратил внимание на письмо Ляховского по поводу смерти Н. Е. Федосеева. В связи с этим Ленин был допрошен в качестве свидетеля. Протокол допроса он написал собственноручно в присутствии жандарма, прокурора и понятых. Ленин показал, что взятое у него письмо со штемпелем «г. Иркутск 20 ноября 1898 г.» написано административным ссыльным по политическому делу Ляховским, который был сослан из Петербурга и проживает в городе Верхоленске. В письме Ляховский сообщал о подробностях смерти Н. Е. Федосеева и установке памятника на его могиле. Что касается до Зобнина, то его он, Ленин, совершенно не знает.

Письмо, отобранное у Ленина, было направлено в Курган. Там в составленном по этому поводу протоколе было записано, что Ляховский отправил Ульянову корзинку с бумагами Н. Е. Федосеева; затем он послал Ульянову интересные документы Верхоленской колонии по делу суда над Юхоцким и что сбором денег на памятник Федосееву занимался он, Ляховский. В этом письме также сообщались Ульянову подробные сведения о революционном движении в России и волнениях среди рабочих на Брянских заводах.

*

Находясь в шушенской ссылке, Ленин пристально следил за международным и российским рабочим движением, живо реагировал на процессы, происходившие в рядах социал-демократии.

Э. Бернштейн — один из лидеров германской социал-демократической партии — после смерти Ф. Энгельса (1895 г.) выступил с открытой ревизией теории марксизма, пытаясь приспособить учение Маркса к интересам империалистической буржуазии.

Ревизионисты типа Бернштейна отрицали возможность научно обосновать социализм, его необходимость и неиз-

[1] *Н. Крупская*, Воспоминания о Ленине, стр. 36.

бежность, растущую нищету и пролетаризацию масс при капитализме, а также обострение классовых противоречий, они отрицали конечную цель борьбы пролетариата — коммунизм, отвергали необходимость борьбы за диктатуру пролетариата, отрицали принципиальную противоположность либерализма и социализма и пытались доказать, что теория классовой борьбы будто бы неприменима к буржуазно-демократическим странам.

Осенью 1898 г. А. И. Елизарова переслала в Шушенское Ленину комплект газет «Франкфуртер Цейтунг», в которых был напечатан отчёт о Штутгартском съезде германских социал-демократов (октябрь 1898 г.). На этом съезде впервые был затронут вопрос о ревизионизме в германской социал-демократической партии в связи с оглашённым заявлением отсутствовавшего на съезде Э. Бернштейна. В то время когда ряд местных организаций, поддержанных на съезде группой, возглавляемой Р. Люксембург, требовал решительной борьбы с ревизионизмом и ревизионистами, К. Каутский и А. Бебель заняли примиренческую позицию и высказались против применения к Бернштейну организационных мер. Э. Бернштейн в книге «Проблемы социализма» (1898 г.) провозгласил необходимость соединения марксизма с идеалистическими взглядами Канта.

Философия Канта дуалистична: с одной стороны, Кант признавал существование предметов вне нашего сознания — «вещь в себе», но, с другой стороны, «вещь в себе», по Канту, непознаваема, является потусторонней нашему сознанию. Когда Кант допускает существование нечто вне нас — «вещь в себе», он становится на позиции материализма. Когда он объявляет «вещь в себе» непознаваемой и заявляет, что сознание существует независимо от объективного мира, Кант выступает как идеалист. Философия Канта есть попытка с идеалистических позиций примирить материализм с идеализмом, примирить пролетариат с буржуазией, увековечить эксплоатацию.

Неокантианство — буржуазное философское направление конца XIX столетия — возводило в систему всё худшее, реакционное, субъективно-идеалистическое в философии Канта. Под лозунгом «назад к Канту», т. е. к идеалистической философии от марксистской филосо-

фии материализма, Бернштейн и ему подобные перешли на буржуазную точку зрения. Под лозунгом «назад к Канту» идеологи империалистической буржуазии звали на борьбу с диалектическим материализмом в защиту идеализма, звали на борьбу с революционным движением в защиту реакции.

Ленин, резко выступая против ревизионистов и наблюдая за борьбой в германской социал-демократической партии, пишет М. И. Ульяновой, что на 9 октября (нов. стиля) 1899 г. назначен очередной съезд германских социал-демократов в Ганновере, где будет обсуждаться вопрос о Бернштейне. Ленин просит прислать ему протоколы этого съезда или же номера газет «Франкфуртер Цейтунг» или «Форвертс», где будут опубликованы отчёты об этом съезде.

Получив книгу Э. Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», Ленин пишет матери: «Книгу Бернштейна мы тотчас же принялись с Надей читать и больше половины прочли, и содержание её всё больше нас поражает. Теоретически — невероятно слабо; повторение чужих мыслей. Фразы о критике, и нет даже попытки серьёзной и самостоятельной критики. Практически — оппортунизм (фабианизм, вернее: оригинал массы утверждений и идей Бернштейна находится у Webb'ов в их последних книгах), безразличный оппортунизм и поссибилизм, и притом всё же *трусливый* оппортунизм, ибо программы Бернштейн прямо трогать не хочет. Вряд-ли можно сомневаться в его фиаско. Указания Бернштейна на солидарность с ним многих русских... совсем возмутили нас»[1].

Ленин ни в какой мере не мог согласиться с беспринципным примиренчеством к Бернштейну со стороны Каутского и других лидеров германской социал-демократической партии, которые не только сохранили Бернштейна в партии, но и согласны были с его заявлением, что можно соединить марксизм с кантианством.

Ленин требовал беспощадной и принципиальной борьбы с ревизионизмом. По отдельным полученным номерам журналов «Новое Слово» и «Начало» Ленин с негодованием следил за эволюцией русских «критиков»

[1] *Ленин*, Письма к родным, стр. 230.

Маркса — «легальных марксистов» (Струве, Туган-Барановского, Булгакова).

Из ссылки Ленин писал: «Насчёт «с ног сшибательных открытий» русских учеников и их неокантианства я прихожу всё в большее и большее возмущение» [1].

В совершенстве владея методом Маркса, Ленин блестяще применял его к вопросам русской экономики, истории, к вопросам классовой борьбы и политики. Марксистским диалектическим методом Ленин мастерски пользовался в критике врагов марксизма и определении политики рабочего класса в своих замечательных работах 1894 г.: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Руководствуясь учением Маркса—Энгельса, Ленин в своих теоретических работах развил дальше и обогатил марксизм новыми научными положениями. Ленин блестяще применил диалектический метод в своей работе «Развитие капитализма в России».

И не случайно, что в тот период, когда враги марксизма повели борьбу с диалектическим материализмом, Ленин уделял много времени изучению философии. 20 июня 1899 г. Н. К. Крупская в письме к М. А. Ульяновой сообщала: «Володя усиленно читает всякую философию (это теперь его официальное занятие), Гольбаха, Гельвеция и т. п.» [2].

27 июня Ленин писал Потресову: «Теперь именно этим и занимаюсь, начавши с Гольбаха и Гельвеция и собираясь перейти к Канту. Главнейшие сочинения главнейших классиков философии я достал, но неокантианских книг не имею (выписал только Ланге). Сообщите, пожалуйста, нет-ли их у Вас или Ваших товарищей и не могли-ли бы Вы поделиться ими»[3].

Находясь в ссылке, Ленин вёл также переписку по философским вопросам с Ф. Ленгником.

«Владимир Ильич, — вспоминал Ф. Ленгник, — вероятно, от товарищей узнал об этих моих увлечениях, и у нас с ним завязалась чрезвычайно оживлённая переписка по философским вопросам. Я старался его об-

[1] «Ленинский сборник» IV; стр. 32.
[2] *Ленин,* Письма к родным, стр. 217.
[3] «Ленинский сборник» IV, стр. 33.

ратить в свою веру, излагал ему поэтическую красоту кантовской «Критики практического разума», а иногда ударялся в крайний скептицизм, опираясь на Юма и его блестящего ученика Шопенгауера, который тоже привлёк моё скучающее в ссылке внимание. В своих ответных письмах Владимир Ильич, насколько я помню, очень деликатно, но и вполне определённо выступил решительным противником и юмовского скептицизма, и кантовского идеализма, противопоставляя им жизнерадостную философию Маркса и Энгельса. Он с жаром доказывал, *что не может быть никаких границ человеческому знанию, которое должно прогрессировать и отделаться от идеалистической, буржуазной шелухи по мере роста революционного рабочего движения,* которое должно определить не только поведение и миросозерцание самого рабочего класса — насквозь ясное, жизнерадостное и захватывающее своей простой красотой, — но что оно определит самым точным образом и поведение, и миросозерцание своих классовых противников и заставит их, вместо туманных, заоблачных теорий и мечтаний, говорить языком фактов и огнём баррикад...

Через несколько уже писем Владимира Ильича я был поколеблен до самого основания. Я бросил своих идеалистических философов и устремился к изучению философии марксизма... Анти-Дюринг стал моей настольной книгой, и этим избавлением на всю жизнь от идеалистического плена я всецело обязан дорогому, милому, бесценному Владимиру Ильичу...» [1]

*

В 1899 г. в немецком «Архиве социального законодательства и статистики», издаваемом Брауном, П. Струве выступил со статьёй «Марксова теория социального развития», в которой он целиком отказался от учения Маркса и защищал «теорию» врастания капитализма в социализм, утверждая, что «социализм» можно осуществить мирным путём, «без скачков», без революции.

Борясь против революционной теории Маркса, доказавшего необходимость насильственного свержения ка-

[1] «Ленинский сборник» I, стр. 194—195.

питализма и установления диктатуры рабочего класса, Струве, как и ревизионисты на Западе, выступил против учения Маркса о том, что в условиях капитализма положение рабочих неуклонно ухудшается. Он заявлял, что вместе с ростом капитализма материальное положение рабочих улучшается, и они должны быть заинтересованы в процветании его.

«Легальные марксисты», защищая капиталистическое общество, выступали против марксовой теории кризисов и неизбежности краха капитализма. Туган-Барановский в книге «Промышленные кризисы в Англии» (1894 г.) и в ряде последующих статей пытался доказать, что в условиях развитого капитализма можно уничтожить анархию производства, поэтому, — опять тот же вывод, — надо содействовать процветанию капитализма, а не вести борьбу с ним.

Ленин в «Заметке к вопросу о теории рынков», опубликованной в журнале «Научное Обозрение» (№ 1 за 1899 г.), разоблачая Туган-Барановского и других «критиков» марксизма, показал, что они не хотят признать основного положения Маркса о том, что «капитализму присуще, с одной стороны, стремление к безграничному расширению производительного потребления, к безграничному расширению накопления и производства, а с другой стороны, — пролетаризирование народных масс... Развитие капитализма не может происходить иначе, как в целом ряде противоречий, и указание на эти противоречия лишь выясняет нам исторически преходящий характер капитализма, выясняет условия и причины его стремления перейти в высшую форму» [1].

В статье «Основная ошибка абстрактной теории капитализма Маркса», напечатанной в «Научном Обозрении» (№ 5 за 1899 г.), Туган-Барановский подверг буржуазной критике марксову теорию стоимости и прибавочной стоимости. Он писал, что прибавочную стоимость могут создавать не только рабочие, но и скот и машины, что эта теория «потребует ещё более глубоких изменений».

По поводу этого выступления Ленин писал: «Прочёл статью Туган-Барановского в № 5 «Научного Обозре-

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 400—401.

ния»... Чорт знает что за глупый и претенциозный вздор!» [1].

Ленин отбил все атаки «легальных марксистов», в том числе и на экономическое учение Маркса.

В апреле — мае 1899 г. Ленин пишет статью «Капитализм в сельском хозяйстве (о книге Каутского и о статье г. Булгакова)». Эта статья сначала предназначалась для опубликования в журнале «Начало» в 1899 г., но ввиду закрытия его (всего вышло пять номеров) статья была напечатана в следующем году в журнале «Жизнь» № 1 за 1900 г. В этой статье Ленин выступает против С. Булгакова, который так же, как и ревизионисты на Западе — Давид, Герц и др., пытался доказать жизнеспособность мелкого хозяйства и его преимущества перед крупным.

В борьбе с «критиками» Маркса Ленин, опираясь на теоретические положения марксизма, анализируя процессы, происходящие в земледелии, писал: «Капиталистическое сельское хозяйство брошено теперь в то же состояние неустойчивости, которое свойственно капиталистической промышленности, и вынуждено приспособляться к новым условиям рынка. Аграрный кризис, как и всякий кризис, разоряет массы хозяев, производит крупную ломку установившихся отношений собственности, *местами* ведёт к техническому регрессу, к оживанию средневековых отношений и форм хозяйства, но в общем и целом он *ускоряет* общественную эволюцию, вытесняет патриархальный застой из его последних прибежищ, вынуждает дальнейшую специализацию земледелия (один из основных факторов сельско-хозяйственного прогресса в капиталистическом обществе), дальнейшее применение машин и т. д.» [2]

Выступая против марксовой теории о концентрации производства в земледелии и разорении мелких производителей, С. Булгаков и другие «критики» Маркса пытались доказывать невозможность социалистической революции. Они пытались утверждать, что если мелкое крестьянское хозяйство не вытесняется крупным, то не удастся установить союз рабочего класса с крестьянством против буржуазии.

[1] «Ленинский сборник» IV, стр. 32.
[2] *Ленин,* Соч., т. II, стр. 471.

Ленин, негодуя по поводу ревизионистских вылазок Булгакова и ему подобных, 27 апреля 1899 г. писал: «Начну с того, что меня теперь наиболее интересует и волнует — со статей Булгакова в 1, 2 и 3 книжке «Начала»... Если на Вас статья Булгакова произвела «отталкивающее» впечатление и «жалкое», то меня она привела прямо-таки в исступление... Будь у человека сколько-нибудь чувство партийности, сознание ответственности перед всеми Genossen и перед всей их программой и практической деятельностью, — он бы не решился так наездннчески «наскакивать»... Он чувствует себя, очевидно, свободным от всяких товарищеских обязанностей и ответственности... но ведь такой журнал, как «Начало», всё-же не альманах, допускающий марксизм собственно из моды (à la «Мир Божий», «Научное Обозрение» и пр., а орган направления. Поэтому для такого журнала обязательно бы налагать некоторую узду на учёных наездников и на всех «посторонних» вообще»[1].

В письмах из ссылки Ленин возмущается по поводу того, что Плеханов, который находился за границей и имел возможность легально выступить против Струве, Булгакова и других, отделывался молчанием. Ещё 2 ноября 1898 г. Ленин пишет: «...меня крайне удивляет, почему это автор (Beiträge zur G[eschichte] des Mat[erialismus]»[2] не высказывался в русской литературе и не высказывается решительно против неокантианства, предоставляя Струве и Булгакову полемизировать о частных вопросах этой философии, как будто бы она уже вошла в состав воззрений русских учеников. Уж наверное для философских-то статей нашлось бы место не в одном из наших журналов, да и книга могла бы пройти свободно»[3].

27 апреля 1899 г. Ленин опять требует публичного выступления Плеханова против русских «критиков» Маркса. Он пишет: «Не понимаю только одного, как мог Каменский[4] оставить без ответа статьи Струве и Булгакова в «Новом Слове» против Энгельса»[5].

[1] «Ленинский сборник» IV, стр. 20—21.
[2] «Очерки по истории материализма» — *Ред.*
[3] «Ленинский сборник» IV, стр. 8—9.
[4] Г. В. Плеханов. — *Ред.*
[5] «Ленинский сборник» IV, стр. 34.

Ленин также возражает против оппортунистических положений статьи П. Аксельрода «Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России», в которой развивались идеи примирения рабочих с буржуазией, и с негодованием пишет, что Аксельроду «следовало бы порезче выставить Klassencharakter [1] того Bewegung [2], о котором говорит автор..., а затем не так благоволить к фрондёрствующим аграриям» [3]. Ленин резко возражал и против аксельродовской теории «взаимодействия» и «равноправности» движения либералов с рабочим движением, указывая, что «до равноправности они абсолютно не дорасли и никогда им не дорости, при их трусости, раздроблённости и т. д.» [4].

Таким образом, Ленин из сибирского далёка поднял знамя решительной борьбы против западноевропейского ревизионизма и русских «критиков» Маркса. Ленин призывает революционных социал-демократов вести последовательную принципиальную марксистскую политику непримиримости к классовым врагам пролетариата и решительной борьбы против всяких оппортунистических посягательств на теорию научного социализма.

*

Весной 1899 г. Анна Ильинична Елизарова переслала Ленину программу русских оппортунистов и для краткости назвала её «Кредо» «молодых». Эта развёрнутая программа русских бернштейнианцев была написана Кусковой и Прокоповичем.

Авторы «Кредо» нагло заявляли, что нигде на Западе рабочий класс не участвовал в борьбе за политическую свободу, отказывались признавать общеизвестные факты, что в чартистском движении в Англии, революциях 1848 г. во Франции, Германии и Австрии рабочий класс выступал как политическая сила. Авторы «Кредо» утверждали, что рабочий класс в России ещё слаб и поэтому должен вести только экономическую борьбу, а политическая борьба — дело либеральной буржуазии. Они

[1] Классовый характер. — *Ред.*
[2] движение. — *Ред.*
[3] «Ленинский сборник» IV, стр. 14.
[4] Там же, стр. 15.

писали, что разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих идей и неверных задач на русскую почву. Авторы «Кредо» пропагандировали «терпимый» и «демократический» марксизм без насильственного свержения капитализма и завоевания диктатуры пролетариата.

Как только Ленин получил эту программу русского ревизионизма, он немедленно решил созвать совещание ссыльных марксистов, разбросанных по Минусинскому округу, для резкого осуждения идей, изложенных в «Кредо».

Из Минусинска и Тесинского политические ссыльные съехались в Шушенское к Ленину, а затем они направились в село Ермаковское, где было назначено совещание.

Село Ермаковское, Минусинского округа, расположено на левом берегу реки Ои (правый приток Енисея), на тракте Минусинск — Усинское, в 75 верстах к югу от Минусинска и в 45 верстах от Шушенского.

Совещание ссыльных социал-демократов проходило на квартире Лепешинского. Окончательное решение было принято на квартире у Ванеева.

На совещании был заслушан и обсуждён написанный Лениным протест российских социал-демократов против «Кредо» экономистов. Этот ленинский «протест» единогласно приняло совещание ссыльных социал-демократов, состоявшее из 17 человек: Ленина, Н. К. Крупской, Оскара Энгберг (из Шушенского); В. В. Старкова, А. М. Старковой, Г. М. Кржижановского, З. П. Кржижановской (Невзоровой) (из Минусинска); А. С. Шаповалова, Н. Н. Панина, Ф. В. Ленгника, Е. В. Барамзина (из Тесинского); А. А. Ванеева, Д. В. Ванеевой, М. А. Сильвина, В. К. Курнатовского, П. Н. Лепешинского и О. Б. Лепешинской (из Ермаковского).

В «Протесте российских социал-демократов» — этом манифесте революционного марксизма — Ленин призвал социал-демократов к беспощадной борьбе с бернштейнианством, как западноевропейским, так и русским. Ленин писал: «Пресловутая Бернштейниада—в том смысле, в каком её обыкновенно понимает широкая публика вообще и авторы «credo» в частности, — означает попытку сузить теорию марксизма, попытку превратить революционную рабочую партию в реформаторскую...»[1]

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 481.

В этом документе объявлена решительная война ревизионизму и выражена уверенность, что попытка авторов «Кредо» перенести западноевропейские оппортунистические взгляды в Россию встретит решительный отпор громадного большинства русских социал-демократов. «Знаменем классового движения рабочих, — писал Ленин,—может быть только теория революционного марксизма, и русская социал-демократия должна заботиться о её дальнейшем развитии и претворении в жизнь, оберегая её в то же время от тех искажений и опошлений, которым так часто подвергаются «модные теории»...»[1].

В «Протесте российских социал-демократов» указывается на необходимость организовать рабочий класс России для осуществления ближайшей политической цели—свержения самодержавия и для последующей борьбы за диктатуру пролетариата.

Впервые «Протест российских социал-демократов», написанный Лениным, был напечатан в 1899 г. за границей в виде оттиска из № 4—5 «Рабочего Дела» и широко распространён в марксистских организациях по всей России. Этот манифест революционного марксизма «имел громадное значение в деле развития марксистской мысли и марксистской партии в России»[2].

*

«Экономисты» издавали газету «Рабочая Мысль», в которой проповедывали антимарксистские взгляды и антипролетарскую политику. В Шушенское Ленину было доставлено отдельное приложение к «Рабочей Мысли» (октябрь 1899 г.). Ознакомившись с передовой статьёй «Наша действительность», Ленин выступил с резкой критикой взглядов русских бернштейнианцев в большой статье «Попятное направление в русской социал-демократии».

Оппортунистическое направление в рядах русской социал-демократии, взгляды «Рабочей Мысли» — это было попятное движение, отказ от традиций революционных социал-демократов, попытка приспособить рабочее движение к потребностям буржуазии.

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 484—485.
[2] «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 24.

«Рабочая Мысль» выступала против революционной политики социал-демократов и отрицала необходимость соединения теории научного социализма с рабочим движением. Критикуя оппортунизм «Рабочей Мысли», Ленин писал:

«Во всех европейских странах социализм и рабочее движение существовали сначала отдельно друг от друга. Рабочие вели борьбу с капиталистами, устраивали стачки и союзы, а социалисты стояли в стороне от рабочего движения, создавали учения, критикующие современный капиталистический, буржуазный строй общества и требующие замены этого строя другим, высшим социалистическим строем. Отделение рабочего движения от социализма вызывало слабость и неразвитость и того и другого: учения социалистов, не слитые с рабочей борьбой, оставались лишь утопиями, добрыми пожеланиями, не влиявшими на действительную жизнь; рабочее движение оставалось мелочным, раздроблённым, не приобретало политического значения, не освещалось передовой наукой своего времени. Поэтому во всех европейских странах мы видим, что всё сильнее и сильнее проявлялось стремление *слить* социализм и рабочее движение в единое *социал-демократическое* движение. Классовая борьба рабочих превращается при таком слиянии *в сознательную борьбу пролетариата* за своё освобождение от эксплуатации его со стороны имущих классов, вырабатывается высшая форма социалистического рабочего движения: *самостоятельная рабочая соц.-демократическая партия*». Направление социализма к слиянию с рабочим движением есть «главная заслуга К. Маркса и Фр. Энгельса, — писал Ленин, — они создали такую революционную теорию, которая объяснила необходимость этого слияния и поставила задачей социалистов организацию классовой борьбы пролетариата» [1].

«Экономисты» пытались тащить социал-демократическое движение назад. Им «нет дела до того, что история русского революционного движения долгим и трудным путём выработала соединение социализма с рабочим движением, соединение великих социальных и политических идеалов с классовой борьбой пролетариата»[2].

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 534—535.
[2] Там же, стр. 537—538.

«Экономисты» отрицали, что низвержение царизма являлось ближайшей задачей русского рабочего движения. Они хотели ограничить борьбу пролетариата узкими задачами крохоборчества за «интересы минуты», отказываясь вовлекать массы в революционное движение. Ленин неоднократно напоминал, что без завоевания политической свободы рабочий класс не сможет завоевать себе прочных позиций ни в экономической, ни в политической области, не сможет создать прочных массовых организаций. Только при политической свободе возможна решительная борьба против класса буржуазии, и конечная цель этой борьбы состоит в том, чтобы пролетариат завоевал диктатуру пролетариата и организовал социалистическое общество.

«Экономисты» — русские бернштейнианцы — являлись агентурой буржуазии в рабочем движении. «Нас занимает здесь,—писал Ленин,—*русская* бернштейниада, и мы уже показали, какую безграничную путаницу мысли, какое отсутствие всякого намёка на самостоятельные воззрения, какой решительный шаг назад против взглядов русской социал-демократии — представляет из себя «наша» бернштейниада»[1].

Без разгрома «экономистов» невозможно было создать революционную марксистскую партию российского пролетариата.

Наряду с «Кредо» Кусковой и Прокоповича и «Рабочей Мыслью» к началу 1899 г. появилось «Profession de foi» (исповедание веры, изложение своих взглядов) Киевского комитета РСДРП. Но в отличие от «Кредо», которое стало известно благодаря уничтожающей критике его Лениным, манифест киевских оппортунистов не был тогда широко распространён. Ознакомившись с этим документом киевских «экономистов», Ленин также подверг его резкой критике. Он писал: «Взгляды Киевского Комитета, несомненно, *отражают* значительное влияние того нового направления «молодых русских социал-демократов», которое в крайнем своём развитии слилось с бернштейнианством и дало такие продукты, как знаменитое отдельное приложение к «Рабочей Мысли» (сентябрь 1899 г.) и не менее знаменитое «Кредо»[2].

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 550.
[2] *Ленин*, Соч., т. XXX, стр. 1.

Ленин указывал, что первое исповедание веры всемирного социализма — «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса — установило, что только тогда рабочее движение является подлинно классовым, когда оно переходит к революционно-политической борьбе. Но «экономисты» заявляли, что русский рабочий класс не дорос до политической борьбы с царским самодержавием, поэтому следует равняться на отсталые слои в рабочем классе и организовывать только экономическую борьбу «за пятачок на рубль». Это была явная клевета, которую возводили «экономисты» на рабочий класс. Партия рабочего класса должна равняться на передовую часть пролетариата, должна быть представительницей сознательных, а не отсталых рабочих, должна быть во главе, а не в хвосте движения. «Экономисты» демагогически заигрывали с отсталыми элементами в рабочем классе. Ленин по этому поводу писал:

«Если критерием деятельности брать то, что сейчас же непосредственно доступно в наибольшей степени самой широкой массе, то придётся проповедывать антисемитизм или агитировать, скажем, на почве обращения к отцу Иоанну Кронштадтскому.

Задачи социал-демократии — развивать политическое сознание масс, а не тащиться в хвосте политически бесправной массы...» [1]

Ленин напоминал, что экономическая борьба служит базисом для вовлечения рабочих в революционно-политическое движение.

«Если же брать экономическую борьбу, как нечто самодовлеющее, то в ней нет ничего социалистического, и опыт всех европейских стран показывает нам массу примеров не только социалистических, но и противо-социалистических профессиональных союзов.

Задача буржуазной политики — «содействовать экономической борьбе пролетариата», задача социалиста— заставить экономическую борьбу содействовать социалистическому движению и успехам революционной рабочей партии. Задача социалиста—содействовать неразрывному слиянию экономической и политической борьбы в единую классовую борьбу социалистических рабочих масс.» [2]

[1] *Ленин*, Соч., т. XXX, стр. 5.
[2] Там же, стр. 6—7.

Разоблачая взгляды «экономистов», которые пытались сузить задачи рабочего движения до тред-юнионизма, Ленин призывал революционных социал-демократов вести последовательную борьбу за чистоту марксовой теории и сплачивать передовых рабочих в марксистскую партию.

*

В ссылке Ленин написал ряд статей для третьего номера «Рабочей Газеты» (первые два номера вышли в Киеве в 1897 г., а затем газета должна была выходить, согласно решениям I съезда РСДРП в 1898 г., как центральный орган партии). Ленин призывал русских марксистов к творческому изучению теории Маркса. Марксизм — не догма, а руководство к боевым действиям рабочего класса. «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса, — писал Ленин в статье «Наша программа», — как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория даёт лишь общие *руководящие* положения, которые применяются в *частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»[1].

В борьбе с ревизией и опошлением марксизма Ленин самостоятельно разрабатывал, развивал и обогащал теорию Маркса в новой обстановке, в новых условиях классовой борьбы в эпоху империализма.

В эти годы Ленин много работал над выработкой боевой программы марксистской партии российского пролетариата. Программа партии является теоретическим документом, в котором научно сформулированы ближайшие и конечные цели борьбы рабочего класса. Первый проект программы партии и объяснение к нему были составлены Лениным в петербургской тюрьме (по соображениям конспирации этот проект программы был написан между строк медицинской книги). В объяснении к проекту программы обстоятельно разбирается каждый пункт.

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 492.

Программа разделялась на три главные части. В первой части даны принципиальные установки: определена роль рабочего класса как самой передовой силы современного общества, показаны смысл и значение его борьбы с фабрикантами и политическое положение рабочего класса в русском государстве.

Во второй части излагаются задачи партии и её отношение к другим политическим направлениям в России, указывается, какова должна быть деятельность партии и всех сознательных пролетариев и их отношение к интересам и стремлениям других классов русского общества.

В третьей части сформулированы практические требования партии: 1) в области общегосударственных преобразований, 2) требования и программа рабочего класса и 3) требования в пользу крестьян.

В сибирской ссылке Ленин, продолжая работать над программой марксистской партии российского пролетариата, в статье «Наша программа» (1899 г.) требует особенно заострить программные формулировки против западноевропейского и русского ревизионизма. Он писал, что международная социал-демократия переживает «шатание мысли» и это надо иметь в виду при выработке программы партии русских марксистов. Теория Маркса и Энгельса впервые превратила социализм из утопии в науку, указала пути, по которым она должна дальше развиваться и разрабатываться во всех её частностях. Теория Маркса «научила видеть под покровом укоренившихся обычаев, политических интриг, мудрёных законов, хитросплетённых учений — *классовую борьбу*, борьбу между всяческими видами имущих классов с массой неимущих, с *пролетариатом*, который стоит во главе всех неимущих. Она выяснила настоящую задачу революционной социалистической партии: не сочинение планов переустройства общества, не проповедь капиталистам и их прихвостням об улучшении положения рабочих, не устройство заговоров, а *организацию классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества*» [1].

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 491.

В подробном комментарии «Проект программы нашей партии» Ленин анализирует проект программы плехановской группы «Освобождение труда» 1887 г. и показывает, что в нём для своего времени было положительного, марксистского и что было неправильного и недоработанного. Проект программы группы «Освобождение труда» стоял на уровне задач начального, утробного периода русской социал-демократии. В этой программе было сказано, что рабочий класс — самостоятельный борец за социализм, и предварительным условием «переустройства общественных отношений» является «захват рабочим классом политической власти». Вместе с тем в программе группы «Освобождение труда» было неверное требование «государственной помощи производительным ассоциациям». Это требование «должно быть вовсе устранено из программы, по нашему мнению. И опыт других стран, и теоретические соображения, и особенности русской жизни (склонность буржуазных либералов и полицейского правительства заигрывать с «артелями» и с «покровительством» «народной промышленности» и т. п.),—всё говорит против выставления этого требования» [1].

Также не следовало вносить пункт о прямом народном законодательстве, имевшийся в программе группы «Освобождение труда», так как принципиально нельзя «связывать победу социализма с *заменой* парламентаризма прямым народным законодательством» [2].

В программе группы «Освобождение труда» было сказано, что «в удобный момент» мы в принципе не откажемся от террора. Это положение вообще не могло вызывать сомнения. Когда власть будет завоёвана рабочим классом, то надо всеми мерами, используя государственную власть победившего пролетариата, расправляться с контрреволюцией. Но тогда, в конце 90-х годов, когда ещё не была создана массовая рабочая партия, когда вопрос о государственном подавлении контрреволюции был делом отдалённого будущего, следовало подчеркнуть не принципиальную, а тактическую сторону этого вопроса. «Чтобы не оставлять места недомолвкам, оговоримся теперь же, что по нашему лично мнению террор является в *настоящее время* нецелесообразным

[1] *Ленин,* Соч., т. II, стр. 518.
[2] Там же, стр. 516.

средством борьбы, что партия *(как партия)* должна отвергнуть его (впредь до изменения условий, которое могло бы вызвать и перемену тактики) и сосредоточить *все свои силы* на укреплении организации...»[1]

Ленин считал неотчётливым и неразвёрнутым требование в программе группы «Освобождение труда» по крестьянскому вопросу. В новой программе партии должно быть выставлено ближайшим требованием возвращение крестьянам отрезанных земель при проведении реформы 1861 г.

Ленин выдвигает следующие вопросы, которые должны войти в программу марксистской партии российского пролетариата: основной характер экономического развития России и, как неизбежный результат этого, рост нищеты и возмущения рабочих; классовая борьба пролетариата как основа рабочего движения, конечная цель — социализм и для осуществления её — завоевание политической власти; свержение царского самодержавия, обусловливающего бесправие и угнетение народа и покровительствующего эксплоататорам, является ближайшей политической задачей партии; марксистская партия в этой борьбе будет поддерживать все партии и слои населения, ведущие борьбу против абсолютизма; перечисление основных требований в пользу рабочего класса и в пользу крестьян.

Ленин в этот период также разрабатывал и организационные задачи революционной социал-демократии. Он наметил гениальный план создания марксистской партии через общерусскую политическую газету. Ленин считал, что такая газета явится решающим звеном в организации партии. Общерусская газета революционных социал-демократов должна вести беспощадную идейную борьбу со всеми врагами марксизма — ревизионистами всех мастей — и широко пропагандировать задачи революционного марксизма.

Наряду с социалистической пропагандой Ленин выдвигал перед общерусской газетой задачу политического обличения царского самодержавия. Газета должна была научить рабочих откликаться на все случаи произвола, насилия и гнёта, против каких бы классов или слоёв населения они ни были направлены. Газета должна была воспитывать в рабочем классе передовых борцов за под-

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 516.

линную демократию, сплотить революционных социал-демократов вокруг единого общепартийного дела.

Чтобы свалить царизм, писал Ленин в статье «Насущный вопрос», нужно довести революционную организацию, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства. Надо, чтобы члены партии специализировались на конкретных партийных поручениях, «одни — на воспроизведении литературы, другие — на перевозке из-за границы, третьи — на развозке по России, четвёртые — на разноске в городах, пятые — на устройстве конспиративных квартир, шестые — на сборе денег, седьмые — на организации доставки корреспонденций и всех сведений о движении, восьмые — на ведении сношений и пр. и пр.»[1]

В условиях упадка, раздроблённости, кустарничества и идейного разброда в местных организациях построить централизованную марксистскую партию возможно было только через общерусский политический орган социал-демократов. Газета должна была стать одновременно коллективным пропагандистом, коллективным агитатором и коллективным организатором партии. Надо было покончить с разобщённостью отдельных групп и организаций, занимавшихся узкими, местными вопросами в отрыве от общепартийных задач, и обеспечить связь между всеми партийными организациями России. На принципиальных идейных основах революционного марксизма надо было выковать организационную сплочённость революционных социал-демократов.

Не было ни одного вопроса революционной теории, политики международного и российского пролетариата, вопросов организационного строительства марксистской партии, которых бы не разрабатывал Ленин в годы сибирской ссылки.

*

В числе соратников Ленина в сибирской ссылке был Анатолий Александрович Ванеев.

В глазах местной жандармерии А. А. Ванеев считался самым опасным из всех политических ссыльных. По обвинению в содействии побегу ссыльного Акимова-Махновца срок ссылки Ванееву был продлён ещё на два года.

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 501.

Ленин и Н. К. Крупская много хлопотали и заботились о здоровье А. А. Ванеева. В письмах к родным они очень часто с большой теплотой отзывались о нём.

«Ужасно жаль, — писал Ленин матери из Красноярска 5 апреля 1897 г., — что об Анатолии Александровиче не хлопотали тоже, чтобы ему в Минусинский округ: для него, после перенесённого плеврита, это было бы очень и очень важно. Мы послали в С.-Петербург телеграмму, чтобы начали об этом хлопотать: ввиду задержки всей партии времени оказывается предовольно, так что можно надеяться, что успеют ещё и ему выхлопотать, если возьмутся энергично»[1].

В июне 1897 г. Ленин пишет родным, что А. А. Ванеев остался в Енисейске, его не послали в Туруханск по слабости здоровья. «Вероятно, он попадёт теперь в Минусинский округ. Может быть, и ко мне»[2].

Ленин о каждом сколько-нибудь характерном явлении в личной жизни своего товарища сообщал родным: «Анатолий всё хворает, бедняга; недавно вынес тиф, и остались какие-то осложнения в лёгких и в сердце. Советуем ему перепрашиваться в Минусинский округ, ибо в Енисейском климат гораздо хуже...»[3]

Ленин, очень обеспокоенный болезнью А. А. Ванеева, пишет своей матери: «Бедняга Анатолий всё болен, температура доходит до 40°. Говорят, что у него чахотка — от него это, разумеется, тщательно скрывают. Дело же об его переводе в Минусинский округ всё ещё не решается»[4].

Наконец, весной 1899 г. А. А. Ванееву удалось перевестись из Енисейска в село Ермаковское. В первых числах июня А. А. Ванеев приезжал в гости к Ленину в Шушенское. Об этом Надежда Константиновна писала М. А. Ульяновой 20 июня 1899 г.:

«Недавно у нас гости были: во-первых, Анатолий с женой, а потом Лепешинский с женой и трёхмесячной девочкой. Анатолий выглядит совсем плохо, вряд ли поправится, а жена совсем убитая, тихенькая такая тихенькая»[5].

За состоянием здоровья А. А. Ванеева непрестанно

[1] *Ленин*, Письма к родным, стр. 32.
[2] Там же, стр. 50.
[3] Там же, стр. 173.
[4] Там же, стр. 193—194.
[5] Там же, стр. 218.

следили Ленин и Надежда Константиновна. В письме от 7 августа Ленин благодарит мать за исполнение просьбы относительно Ванеева и добавляет: «Я надеюсь повидать его ещё на этих днях: говорят, он совсем плох, кровь идёт горлом страшно сильно, отхаркиваются даже куски лёгкого...» [1]

В одном из последующих писем Ленин сообщает: «У нас новостей мало, Анатолию всё хуже и хуже» [2].

Надломленный тюрьмой и ссылкой, организм Ванеева не мог бороться с болезнью, и 8 сентября он скончался.

Как только Ленин и Надежда Константиновна узнали от нарочного о смерти А. А. Ванеева, тотчас же поспешили в Ермаковское. Они застали колонию политических ссыльных социал-демократов в глубоком трауре.

В пасмурный осенний день по узким и глухим переулкам села, от дома, где жил Анатолий Александрович, тронулась похоронная процессия. На кладбище, среди соснового бора, у свежей могилы, перед тем как опустить гроб, Ленин произнёс прощальную речь, в которой отметил выдающиеся качества Анатолия Александровича Ванеева—преданного революционера, борца за интересы рабочего класса. Ленин сказал, что партия понесла тяжёлую утрату и в преждевременной кончине А. А. Ванеева виноват царский режим, погубивший его в расцвете творческих сил.

11 сентября Ленин спешит поделиться с матерью горестным известием: «Приходится сообщить тебе, дорогая мамочка, очень грустную новость: (20) 8/IX умер Анатолий и (22) 10/IX мы его похоронили в селе Ермаковском. Надежды на выздоровление не было уже давно, и в последнее время болезнь развивалась страшно быстро. Жена его остаётся пока в селе Ермаковском» [3].

На могилу А. А. Ванеева заботливыми товарищами была положена чугунная плита, заказанная Лениным на Абаканском чугунолитейном заводе, с надписью:

«Анатолий Александрович *Ванеев*. Политический ссыльный. Умер 8 сентября 1899 г. 27 лет от роду. Мир праху твоему, товарищ».

В 1936 г. на могиле А. А. Ванеева был поставлен памятник, куда вмурована эта чугунная плита.

[1] *Ленин,* Письма к родным, стр. 222.
[2] Там же, стр. 231.
[3] Там же, стр. 232.

*

Срок пребывания Ленина в сибирской ссылке подходил к концу. О последнем периоде жизни Ленина в ссылке Н. К. Крупская писала в своих воспоминаниях: «Бессонными ночами обдумывал он свой план во всех деталях, обсуждал его с Кржижановским, со мной, списывался о нём с Мартовым и Потресовым, сговаривался с ними о поездке за границу» [1]. Для того чтобы окончательно условиться о посылке корреспонденций из России, получить явки и дать все нужные распоряжения, необходимо было лично встретиться с активными работниками партии. Были намечены места встреч: в Уфе, где должна была остаться Н. К. Крупская для окончания ею срока ссылки, в Пскове, куда должен был поехать Ленин, так как жительство в столичных и университетских городах ему было запрещено.

Месяца за три до выезда из Шушенского Ленин и Н. К. Крупская стали ходатайствовать перед енисейским губернатором и департаментом полиции о том, чтобы не было препятствий Н. К. Крупской к выезду из Шушенского в Псков, однако департамент полиции не разрешил.

Отказ в ходатайстве Н. К. Крупской о выезде вместо Уфы в Псков был получен в Шушенском в середине января 1900 г. Тогда решено было написать прошение енисейскому губернатору о том, чтобы выдали Н. К. Крупской проходное свидетельство, по которому она могла бы ехать вместе с Лениным до Уфы.

За несколько дней до отъезда, 27 января 1900 г., минусинский исправник выдал Н. К. Крупской проходное свидетельство.

Начались сборы в дальнюю дорогу. Работница Паша Яшенко-Мезина помогала Надежде Константиновне укладывать вещи. За два года жизни в семье Ульяновых она привязалась к ним, ей жаль было с ними расставаться. Ленин деловито упаковывал книги, которых оказалось 15 пудов, и поэтому решили их отправить транспортом. Мальчик Минька перетаскивал домой подарки: картинки, карандаши, бумагу.

Предстоял длинный зимний путь—проехать 400 вёрст лошадьми до железнодорожной станции. Оскар Алексан-

[1] *Н. Крупская*, Воспоминания о Ленине, стр. 35.

дрович Эпгберг принёс Надежде Константиновне на память о занятиях с ним по «Капиталу» самодельную брошку в виде книги с надписью «Карл Маркс». Ленин договорился с остающимися о переписке, а с отъезжающими — о совместной работе.

Наконец, настал день отъезда — 29 января 1900 г. В этот день окончился срок ссылки Ленина, он спешил в Россию проводить в жизнь намеченные в Шушенском планы построения марксистской партии.

Утром 29 января во двор были поданы две повозки: одна для багажа, другая для уезжающих. Тепло распростившись с провожавшими, Ульяновы тронулись в путь.

В Минусинске Ленин остановился на квартире у В. В. Старкова, где собрались Курнатовский, Барамзин, Лепешинские, Сильвина и другие.

В тот же день Ленин и Н. К. Крупская получили в Минусинском уездном полицейском управлении проходные свидетельства. «Доехали до Минусы, — вспоминает Н. К. Крупская, — где мы должны были захватить с собой Старкова и Ольгу Александровну Сильвину. Там уж собралась вся наша ссыльная братия, было то настроение, которое бывает, когда кто-нибудь из ссыльных уезжает в Россию: каждый думал, когда и куда он сам поедет, как будет работать. Владимир Ильич договорился уже раньше о совместной работе со всеми, кто вскоре ехал в Россию, договорился о переписке с остающимися. Думали о России, а говорили так, о всякой пустяковине» [1].

30 января Ленин и Надежда Константиновна провели в кругу своих остающихся ещё в ссылке знакомых, посетили последний раз Минусинский музей.

В Минусинске к Ленину присоединились В. В. Старков, окончивший срок ссылки, О. А. Сильвина, возвращавшаяся из Минусинска в Россию. Утром 31 января Ленин, Н. К. Крупская и другие товарищи выехали из Минусинска.

Первый станок от Минусинска — село Потрошилово, где предстояло сменить лошадей и повозки. Затем на свежих лошадях двинулись к Абаканскому (ныне село Краснотуранское, районный центр Красноярского края).

В Абаканском, в доме, где Ленин и его спутники сделали остановку, ныне находится партийный кабинет

[1] *Н. Крупская*, Воспоминания о Ленине, стр. 36—37.

Краснотуранского райкома ВКП(б); на фасаде имеется мемориальная табличка с указанием на остановку в этом доме Ленина во время возвращения его из ссылки.

Следующим за Абаканском пунктом для остановки была деревня Быскар. Эта небольшая деревушка расположена на правом гористом берегу Енисея. Ленин и его спутники направились в село Анаш, куда прибыли ночью 31 января. Село Анаш, в котором они остановились на ночлег, представляло собой второе по величине селение после Абаканского.

Утром 1 февраля 1900 г. направились через Яновскую гору к селу Светлолобово, что на правом берегу Чулыма. После получасовой стоянки Ленин со спутниками поехали через Чулым, мимо села Бараит, на Рыбалку.

После смены лошадей снова двинулись в путь к следующему станку — селу Медведское.

От Медведского до Ачинска — 70 вёрст, два станка. Несмотря на приближавшийся вечер, было решено пуститься в путь.

Вечером путники приехали на следующий станок в село Назарово (ныне районный центр). Не считаясь с поздним временем, решили немедленно ехать дальше, в Ачинск, где и заночевали в ямщицкой избе на окраине города. На рассвете 2 февраля добрались до станции Ачинск, находившейся от города в 4 верстах. Прибыли на станцию почти к самому поезду, с которым и уехали.

Прошли три года сибирской ссылки, которые, по словам Н. К. Крупской, были годами «серьёзной учёбы». Наступал новый период борьбы за создание боевой марксистской партии российского пролетариата, план организации которой Ленин разработал со всеми подробностями.

С отъездом Ленина и Н. К. Крупской из Сибири в канцелярию иркутского генерал-губернатора поступило отношение енисейского губернатора от 9 февраля 1900 г.:

«Имею честь уведомить канцелярию генерал-губернатора для сведения, что состоящая в Минусинском уезде под гласным надзором полиции Надежда Константиновна Ульянова (урождённая Крупская), согласно разрешения департамента полиции, 30 января с. г. выехала на жительство в Уфимскую губернию, о чём мною и сообщено г. уфимскому губернатору для зависящего распоряжения о подчинении Ульяновой упомянутому надзору полиции.

При этом присовокупляю, что муж Ульяновой, Владимир Ульянов, по окончании 29 января с. г. срока гласного надзора полиции, выехал на жительство в г. Псков»[1].

*

В. И. Ленин и его соратники по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» оказали громадное влияние на рост революционного движения в Енисейской губернии.

До приезда в сибирскую ссылку Ленина и его соратников жандармское управление Енисейской губернии в своих годовых политических отчётах департаменту полиции доносило о полном благополучии: «Настроение населения нормальное, не оставляет желать ничего лучшего»[2].

Совсем по-другому стали выглядеть жандармские отчёты за 1897 г. по Енисейскому и Минусинскому округам.

Енисейский ротмистр в своём докладе за 1897 г. с тревогой отмечает, что в округе появились нового типа административно-ссыльные. Они, по мнению ротмистра, сильно отличаются от тех государственных преступников из лагеря народничества, которые, будучи скомпрометированы своим поведением, как бы отказались от прежней преступной деятельности, занимаются домообзаводством, служат по найму у купцов и золотопромышленников.

Новые же административно-ссыльные, среди которых студент-технолог Анатолий Ванеев, Пантелеймон Лепешинский, непрочь поступить на должность в Енисейске, но их, по мнению ротмистра, нельзя допускать в город, где, хотя и в незначительной степени, есть рабочий люд. Поэтому жандармский ротмистр недоволен тем, что «за последнее время все гласно-поднадзорные, не имеющие права проживать в г. Енисейске, стараются под разными предлогами, большей частью вымышленными, получить возможность проживать в г. Енисейске. Например, из числа их гласно-надзорный Ванеев, проживающей в г. Енисейске по болезни (совершенно здоровый человек), по нашему мнению самая вредная личность из числа всех гласно-надзорных по своему влиянию на людей, приходящих в соприкосновение с ним»[3].

[1] «Красный архив», т. I, 1934 г., стр. 129—130.
[2] Дело Енисейского губернского управления за 1895 г.
[3] Дело Енисейского губернского управления за 1898 г.

Жандармский подполковник, обозревая политическое положение Минусинского округа за 1898 г., отмечает, что в округе состояло под негласным надзором 8 человек и под гласным надзором полиции — 22 человека. В это число входили Ленин и его соратники.

Одной из форм влияния социал-демократов на население округа жандармы считали преподавание ученикам на дому общеобразовательных предметов. Жандармы всячески пресекали педагогическую практику ссыльных, особенно в этом случае они поусердствовали в отношении В. В. Старкова и Г. М. Кржижановского. «Много раз замечено было, — докладывают жандармы, — что гласнонадзорные занимаются педагогической деятельностью». Жандармы добились своего: В. В. Старкову и Г. М. Кржижановскому запретили педагогическую практику под страхом ухудшения режима. Учтя это, Ленин и Н. К. Крупская вынуждены были отказаться от уроков, которые им предлагали в Шушенском и Ермаковском.

Как ни старались жандармы изолировать марксистов от окружающего их населения, политическое положение в губернии резко изменилось. Уже в 1899 г. Енисейское губернское жандармское управление отмечает изменения в настроении по отношению к правительству. Виновных в этом жандармы искали в среде политических ссыльных, от которых, по их донесениям, «ничего хорошего ожидать нельзя».

Пребывание в ссылке Ленина и его соратников резко отразилось на развитии революционного движения в Сибири.

В Красноярске по инициативе ссыльного марксиста П. А. Красикова, при ближайшем руководстве Ленина с конца 1898 г. стали создаваться социал-демократические кружки из рабочих Красноярских железнодорожных мастерских, а затем лесозавода, строителей железнодорожного моста и учениц акушёрско-фельдшерской школы. Подпольная марксистская литература распространялась и изучалась в рабочих кружках.

Как сообщалось в полицейском секретном «Обзоре революционного движения в округе Иркутской сибирской палаты за 1897—1907 гг.», изданном в Петербурге в 1908 г., «в городах Иркутске и Красноярске, под влиянием и при участии политических ссыльных, образовалось несколько тайных кружков», которые «действовали

в Красноярске в 1899 г. среди рабочих железнодорожных мастерских, в 1900 г. среди политических ссыльных».

В этом же полицейском «Обзоре», в разделе «Значение открытия великого Сибирского железнодорожного пути», отмечается изменение условий революционной деятельности социал-демократов и их пропаганды.

«Уже в феврале 1899 г. была сделана попытка организовать всеобщую забастовку с целью воспрепятствовать понижению платы агентам службы тяги. С этой целью на железнодорожных станциях, между городами Иркутском и Красноярском, были распространены рукописные прокламации, в которых не только говорится о необходимости организовать данную стачку, но и заключён призыв к борьбе с общим врагом — капиталистами и правительством.

Принимавшиеся меры к ознакомлению рабочих с литературой революционных партий отмечены производившимися дознаниями, из которых видно, что уже в 1900 г. в Красноярске, на станции Иннокентьевской и в других местах среди железнодорожных рабочих обнаружено обращение означенных изданий».

Пропаганда марксизма в Сибири во время пребывания в ссылке Ленина значительно усилилась, и это сказалось на последующем росте революционного движения в начале XX столетия.

*

По дороге из Минусинска через Ачинск в Псков Ленин остановился на несколько дней в Уфе для встречи с находившимися там социал-демократами (Цюрупой и др.), Отсюда Ленин поехал в Москву, где встретился с представителем Екатеринославского комитета РСДРП И. Х. Лалаянцем. Из Москвы Ленин проехал в Петербург, где повидал нелегально проживавшую в то время в России В. И. Засулич.

В этих поездках Ленин получил подробную информацию о жизни партийных групп.

26 февраля 1900 г. Ленин приехал в Псков, где ему было вручено извещение департамента полиции о запрещении жительства в Петербурге, Москве и в Петербургской губернии без обозначения срока и на три года воспрещено жительство в Московской, Тверской, Ярославской, Рязанской, Владимирской, Костромской, Ни-

жегородской, Тульской, Пермской, Уфимской, Орловской, Екатеринославской, Бакинской, Варшавской, Петроковской губерниях, в Белостокском уезде Гродненской губернии, в Области войска Донского и в городах Вильно, Киеве, Николаеве, Одессе, Харькове, Риге, Юрьеве, Либаве, Казани, Томске, Елисаветграде, в местечке Кривой Рог, Иркутске, Красноярске. Таким образом царское правительство хотело изолировать Ленина от всех центров рабочего движения.

Из Пскова Ленин вёл переписку с социал-демократами других городов по вопросам содействия организуемой общерусской политической газете. С этой целью он однажды выезжал в Ригу к М. А. Сильвину, где встретился с латышскими социал-демократами.

В Пскове в конце марта состоялось совещание по поводу организации общерусской политической газеты. На совещании присутствовали Ленин, С. Радченко, Мартов, Потресов, а также Струве и Туган-Барановский. Ленин изложил задачи и программу общерусского печатного органа русских марксистов. Так как газета должна была взять на себя задачу всенародного политического обличения самодержавия, следовало привлечь также материалы о жизни либеральных кругов, и для этого Ленин считал возможным пригласить к сотрудничеству в газете Струве и Туган-Барановского. Но последние хотели использовать своё участие в газете русских социал-демократов для того, чтобы повести борьбу с революционным марксизмом и воспрепятствовать последовательному и принципиальному обличению «критиков» Маркса. Ленин категорически выступил против этого, так как общерусская газета должна была явиться органом революционного марксизма, ведущим упорную борьбу со всеми «критиками» Маркса.

После псковского совещания произошёл формальный разрыв с «легальными марксистами», которые окончательно сбросили свои «марксистские» одеяния и самоопределились как откровенные либералы.

За всё время пребывания Ленина в Пскове полиция за ним следила самым тщательным образом. Любопытен следующий факт. Перед отъездом из Пскова Ленин свёз на вокзал свои книги и отправил багажом по адресу: «Подольск, Московской губернии, дом Кедровой, Дмитрию Ильичу Ульянову». Но появившийся вслед за ним

жандарм переотправил книги по другому адресу: «Москва, жандармское управление, Зубатову».

20 мая 1900 г. Ленин выехал из Пскова нелегально в Петербург для установления связей с петербургскими социал-демократами. До Петербурга он добрался благополучно, а на следующее утро (21 мая) при выходе из квартиры был арестован. Позже он рассказывал родным, что его «шпики схватили прямо за оба локтя так крепко, что нельзя было двинуть рукой, чтобы выбросить что-нибудь из кармана». Ленина доставили к градоначальнику, где произвели обыск, нашли зашитые во внутреннем кармане около 1 300 рублей, предназначенных для организации за границей нелегальной социал-демократической газеты; взяли заграничный паспорт и небольшой листок бумаги, на одной стороне которого был умышленно написан счёт, а на другой — химическим способом письмо Плеханову, в котором сообщалось о плане общерусской газеты и были даны записи связей с заграницей. Этот листок больше всего беспокоил Ленина. На допросе Ленин сказал, что перед отъездом за границу ему разрешили повидаться с родными, живущими в Подольске. В Петербурге задержался потому, что нужно было получить деньги за издание книг, статей, за перевод с английского на русский язык книги Вебб. К счастью, на химический текст письма внимания не обратили.

После 10-дневного ареста Ленина выпустили, вернули отобранные документы и деньги, но в Подольск он был доставлен прямо к исправнику сопровождавшим его чиновником петербургской охранки. Подольский исправник хотел отобрать заграничный паспорт, но Ленин припугнул его, что будет жаловаться в департамент полиции на незаконные действия. На исправника это подействовало, и паспорт был возвращён.

Из Подольска Ленин поехал в Нижний-Новгород, а затем в Уфу, где провёл совещания с социал-демократами. На обратном пути из Уфы Ленин остановился в Самаре. Перед отъездом за границу он встретился с одним из своих близких учеников — И. В. Бабушкиным.

В лице Ленина царское правительство не могло не видеть самого опасного своего врага. Начальник Московского охранного отделения Зубатов 27 декабря 1900 г. сообщил в департамент полиции:

«Хорошо бы накрыть их собрание, и так как роль Ульянова и др. вполне выяснена, то срезать эту голову с революционного тела было бы желательно поскорее особым совещанием, ибо долгое наблюдение, в целях формальных улик, даст им возможность раскачать публику до бомб; беря их последователей, но мелких, мы будем лишь играть им на-руку, раздувая настроение и вызывая усиленную агитацию. Смелый шаг относительно главарей даст, по-моему, блестящий результат. *Ведь крупнее Ульянова сейчас в революции нет никого*» [1].

Но к этому времени Ленин был уже за пределами царской России.

16 июля 1900 г. он выехал в Швейцарию, а в августе в местечке Корсье, близ Женевы, состоялось совещание с группой «Освобождение труда» по вопросу о создании газеты «Искра» и теоретического журнала «Заря». Переговоры с Плехановым чуть не закончились разрывом. Ленин писал об этом в заметке «Как чуть не потухла «Искра»?»

Ленин ценил заслуги Плеханова и группы «Освобождение труда», но знал, что они оторваны от жизни и практической партийной работы в России и не могут непосредственно руководить газетой. «Мы представляем из себя самостоятельную литературную группу, — писал Ленин. — Мы хотим остаться самостоятельными. Мы не считаем возможным вести дело без таких сил, как Плеханов и группа «Освобождение Труда», но отсюда *никто не вправе заключать,* что мы *теряем хоть частичку нашей самостоятельности*» [2].

Ленин настоял на том, чтобы редакция общерусской политической газеты — органа воинствующего марксизма — была прочно связана с партийной работой и рабочим движением в России.

11 (24) декабря 1900 г. вышел первый номер «Искры» с эпиграфом: *«Из искры возгорится пламя».*

Эти слова взяты из ответа декабриста А. И. Одоевского на послание великого русского поэта А. С. Пушкина:

Наш скорбный труд не пропадёт!
Из искры возгорится пламя...
Мечи скуём мы из цепей
И вновь зажжём огонь свободы
И с нею грянем на царей,
И радостно вздохнут народы.

[1] «Красный архив», т. I, 1934, стр. 138.
[2] *Ленин,* Соч., т. XXVIII, стр. 58.

Общерусская политическая газета «Искра», созданная Лениным, объединила передовых людей рабочего класса в марксистскую партию.

Ленинская «Искра» и искровские организации в России заложили фундамент той партии нового типа, которая выросла впоследствии в героическую и закалённую в боях партию большевиков, партию Ленина—Сталина.

Оценивая революционную деятельность Ленина конца 90-х годов и после издания «Искры», товарищ Сталин говорил: «...мы имеем в лице Ленина человека необыкновенного. Он не был тогда в моих глазах простым руководителем партии, он был её фактическим создателем, ибо он один понимал внутреннюю сущность и неотложные нужды нашей партии... Ленин... руководитель высшего типа, горный орёл, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперёд партию по неизведанным путям русского революционного движения»[1].

[1] *Сталин*, О Ленине, 1940, стр. 38.

37628

Редактор С. Иванов

Подписано в печать 24 июля 1945 г.
Тираж 20000 экз. А 18808.
Заказ № 990 Объём 8 п. л.
Цена 2 руб.

3-я типография «Красный пролетарий»
треста «Полиграфкнига» Огиза при СНК РСФСР,
Москва, Краснопролетарская, 16.

Стр.

96

ст. ст

7—8

зак. 9

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Напечатано*	*Следует читать*
96	Развитие капитализма	«Развитие капитализма
ст. ст.	в России сыграло	в России» сыграло
7—8		

Зак. 990.

Редактор *С. Иванов*

Подписано в печать 24 июля 1945 г.
Тираж 20000 экз. А 18808.
Заказ № 990 Объём 8 п. л.
Цена 2 руб.

3-я типография «Красный пролетарий»
треста «Полиграфкнига» Огиза при СНК РСФСР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

2 рубля